С 202/427

В. ЧИСТЯКОВА
кандидат исторических наук

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ А. Л. ОРДИНА-НАЩЕКИНА (XVII век)

1950

C 202/427

46

С 202
427

ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ТРУДЫ

~~Том XX~~

СБОРНИК РАБОТ ПО ИСТОРИИ

ВОРОНЕЖ 1950

Редколлегия: проф. *Бороздин И. Н.*, доц. *Шуляковский Е. Г.*, доц. *Замятнин В. Н.*, доц. *Дунаевский В. А.*

Отв. редактор сборника доц. *Разумникова И. Я.*

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

6316-57

2019323373

Е. В. ЧИСТЯКОВА
кандидат исторических наук.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ А. Л. ОРДИНА-НАЩОКИНА (XVII век)

Неоднократно отмечалось. стремление представителей буржуазной науки игнорировать развитие русских политических и экономических теорий в допетровское время. Даже в советскую политэкономию и историографию проникли лишенные всякого основания взгляды о несамостоятельности и низком уровне развития общественной мысли в русское средневековье[1]).

Историю русской экономической мысли начинают обычно со времени Петра I, с сочинений Посошкова. Трактаты и проекты, возникшие в XVII веке, изучены значительно слабее. Историки интересовались прожектами француза де-Грона, предложениями царскому правительству гамбургского купца П. Марселиса. А между тем, только исследование теорий и проектов, выросших целиком на русской почве, может дать единственно верную картину развития русской экономической мысли.

Экономическая платформа Ордина-Нащокина, оформленная в 50 — 70-е годы XVII века, почему-то не привлекала до сих пор пристального внимания. Изучение же экономических взглядов Ордина-Нащокина представляет, несомненно, большой научный интерес.

Деятельность Афанасия Лаврентьевича Ордина-Нащокина связана со временем царствования Алексея Михайловича (1645—1676), поэтому ее изучение приоткрывает завесу

---

[1]) См. ст. П. Хромова. «К истории русской экономической мысли». Большевик № 6 за 1944 г.

над этими бурными и еще мало освещенными годами русской истории.

А. Л. Ордин-Нащокин известен прежде всего как деятель Посольского приказа. Большинство историков считает его блестящим дипломатом, поражавшим своим умом европейцев[2]). Попытка А. А. Савича приписать личным промахам Ордина-Нащокина заключение Кардисского договора со Швецией (1661) и неполноценный успех Андрусовского перемирия с Польшей (1667 г.)[3]) не может быть признана удачной.

Изучение долголетней дипломатической деятельности Ордина-Нащокина по материалам Центрального Архива Древних Актов (дела Шведские, дела Польские, Малороссийский приказ и пр.) несомненно дало бы богатейший материал для истории русской внешней политики в третьей четверти XVII века. Но пока это остается задачей будущего.

Ни экономические взгляды Ордина-Нащокина, ни его государственная деятельность ещё не подвергались также всестороннему изучению. Исключение составляют лишь статьи К. В. Базилевича, где освещается роль Ордина-Нащокина в составлении Новоторгового устава[4]).

Правда, имя талантливого псковича упоминается во многих курсах русской истории. Но все это сводится к одному: представить его образованным выскочкой из мелких дворян, пламенным поклонником западных обычаев. При этом отмечается, что взгляды Ордина формировались, якобы, под влиянием шведских или польско-литовских обычаев[5]).

Для такого представителя буржуазной науки как П. Струве, «мысль о заимствовании является неотразимой»[6]).

---

[2]) С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, В. С. Иконников и др. История дипломатии, т. I, стр. 234—235.

[3]) Савич А. А. Андрусивське перемирия 1667 року. Наукови записки. Киив, 1947 г. № 2, стр. 150.

[4]) К. В. Базилевич. Новоторговый устав 1667 г. Известия Ак. Наук, 1932 г., кн. 7 и ст. «Элементы меркантилизма в экономической политике Алексея Михайловича». Ученые записки МГУ, 1940 г. вып. 41.

[5]) П. Струве. Хозяйство и цена, ч. I, стр. 303.

[6]) Там же, стр. 306.

Не смог избежать этого и Г. В. Плеханов в известном труде «История русской общественной мысли», целая глава которого посвящена бежавшему в Польшу сыну Ордина, ничем не примечательному Воину Афанасьевичу. О видном же экономисте XVII века, Афанасии Лаврентьевиче Ордине-Нащокине, сказано буквально несколько фраз.[7]).

Своеобразен характер документов оставшихся от деятельности Ордина-Нащокина. Он не писал специальных экономических трактатов и публицистических статей. О его взглядах можно судить лишь по отрывочным сведениям в актовых источниках и по практическим делам. А так как большую часть жизни Ордин-Нащокин был на дипломатической работе, чтобы составить полное представление о его экономических и политических взглядах, надо исследовать материалы архива Посольского приказа по крайней мере за 30 лет (с 40-х годов по 70-е годы).

Нашей задачей является в этом небольшом очерке дать представление об Ордине-Нащокине, как администраторе, и проанализировать его социально-экономические взгляды. Программа Ордина-Нащокина не была статичной. Его теория складывалась постепенно, поэтому и рассмотрение ее удобно разбить на несколько этапов: деятельность в качестве администратора в Лифляндии, затем проект местного устройства в Пскове и, наконец, редактирование Новоторгового Устава 1667 года.

Основные пункты программы Ордина-Нащокина выросли на почве тех изменений в русском народном хозяйстве, которые проявились особенно ярко во второй половине XVII века.

I

В XVII веке становится заметной тенденция помещиков увеличить барскую запашку и перевести крестьян на барщину. Результатом этого явилась дальнейшая экспроприация крестьян, с одной стороны, и, с другой — появление приба-

---

[7]) Г. В. Плеханов. История русской общественной мысли, т. 1, стр. 267—277.

вочного продукта, реализуемого на внешнем и внутреннем рынках. Эти стремления очень ярко проявились в некоторых феодальных хозяйствах, где вместе с ростом производства продуктов питания развивались и различные промыслы (кожевенное ремесло, полотняное, поташное дело и пр.)

В качестве примера можно привести царские вотчины, хозяйство феодала-предпринимателя Б. И. Морозова[8]) В имениях князей Трубецких, Одоевских, Ромодановских, Волконских, Я. К. Черкасского, Ф. М. Ртищева, Н. Ф. Тютчева производство организуется с учетом потребностей внешнего рынка[9]).

Источники определенно отмечают наличие систематической торговли хлебом, по крайней мере в крупных городах (Новгород Великий, Псков[10]). Зерно становится важным предметом экспорта[11]). Производство хлеба на рынок имелось не только в крупных вотчинах, но и в хозяйствах рядовых служилых дворян, типа стольника А. И. Безобразова[12]).

Изменения проявились не только в сельском хозяйстве, но и в сфере торгового оборота. После Уложения 1649 года купец — посредник приобретает большую силу. Городские торговцы стремятся к монополии в посадских и ярмарочных торгах. Именно в сфере торговли, главным образом внешней, растут большие капиталы. Маркс указывает на значение в тот исторический период «сферы обращения»[13]).

Купцы реализовывали на рынке продукты сельскохозяйственного и промышленного производства, они ездили из од-

---

[8]) А. И. Заозерский. Царская вотчина в XVII веке. М., 1937 г., изд. 2. Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII века, вып. 1.

[9]) К. В. Базилевич. Элементы меркантилизма в политике Алексея Михайловича. Учен. записки МГУ, 1940 г. № 41, стр. 6, 13, 14.

[10]) Хранилище Псковского Областного Музея. Рукопись № 380. Таможенная книга за 1670—71 гг.

[11]) Журн. Мин. Нар. Пр., ч. XXXVIII, 1912 г., стр. 81, сб.«Торговля и торговый капитал в Московском государстве», стр. 131—134.

[12]) А. А. Новосельский. Вотчинник и его хозяйство в XVII веке М. 1929, стр. 158—159.

[13]) К. Маркс. К критике политической экономии, 1930 г., стр. 228,

ного конца страны в другой, доставляя населению необходимые товары. Они пытались пробиться на западные и восточные рынки.

Развитию «купецкого чина» способствовала нужда в нем и кустаря-ремесленника и помещика-вотчинника, тем более, что к средине XVII века стала обозначаться специализация отдельных районов по производству определенных видов товаров. Так, солью и рыбой были богаты поволжские города. Из Сибири везли меха. Псков и Смоленск славились льном и пенькой. Производство из кожи было развито в центральных областях. Из Костромы везли мыло, из Ярославля и Вологды — полотна и сукна. Сало приготовлялось в Казани, Нижнем Новгороде, Вологде, Москве. Ворвань и слюду поставляло Поморье. Из Каргополя и Холмогор вывозили смолу и деготь.

Этот перечень безусловно можно значительно пополнить. Важно лишь подчеркнуть то, что развитие общественного разделения труда способствовало процессу образования всероссийского рынка. В. И. Ленин писал по этому поводу: «Только новый период русской истории (примерно с XVII века) характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое... Оно вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было ничем иным, как созданием связей буржуазных»[14].

В этот период усиливающееся экономическое значение купечества влекло за собой рост его политического веса. Уже с начала XVII века различные слои посадских людей выдвигают определенные классовые требования. Так, в первой половине XVII века посадские требовали: монополии городской торговли в их руках, включения населения белых слобод в число посадских тяглецов, возвращения на посад закладчиков в беглецов, ограничения торгов иноземных купцов, упорядочения налогов и служб и т. д. Эти требования выдвигались посадскими в многочисленных челобитьях в приказы. В 1648—1650 гг.

---

[14]) В. И. Ленин. Соч., т. I, изд. 4, стр. 137—138.

по всей стране прокатилась мощная волна городских восстаний. Размах классового недовольства заставил правительство пойти на некоторые уступки наиболее состоятельным горожанам. Это проявилось, с одной стороны, в редактировании 19 главы Уложения 1649 года, с другой стороны, в организации специального приказа сыскных дел под управлением боярина Юрия Алексеевича Долгорукого. Первые три пункта «бюргерской» программы были, таким образом, удовлетворены[15]).

После 1649 года все, занимающиеся городской торговлей, были обязаны нести посадское тягло, белые слободы, освобожденные от налогов и служб, отписывались к посадам, 4 года шел сыск и возвращение в города закладчиков — посадских людей, заложившихся за белослободчиков, крупных феодалов, с целью избежать несения посадского тягла. В 1653 году издается таможенный устав, наметивший протекционистский путь дальнейшей торговой политики самодержавия в XVII веке[16]). Несколько раньше (1647—1649 гг.) была ограничена торговля иностранцев (в частности голландцев, англичан, греков) [17]).

Все эти меры проводились постепенно, они не могли в полной мере удовлетворить весь посад, к тому времени резко распавшийся на отдельные слои населения (лучшие люди, средние, молодшие).

По мере усиления этого процесса, дворянская власть стремится привлечь некоторыми подачками верхушку посада на свою сторону, и, используя ее в своих интересах, укрепить тем самым феодальное государство.

Первые шаги правительства по пути покровительства формирующемуся купечеству происходили в рамках господства

---

[15]) П. П. Смирнов. Посадские люди и их классовая борьба до сер. XVII в. М—Л. 1947-48, т. I и II.

[16]) К. Лодыженский. История русского таможенного тарифа. СПБ, 1886 г., стр. 28.
Е. Осокин. Внутренние таможенные пошлины в России. К. 1850 г., стр. 117.

[17]) А. С. Мулюкин. Очерки по истории юридического положения иностранных купцов в Московском государстве. Одесса, 1912г.

крепостников, феодальные отношения в XVII в. составляли основу производства.

Главной функцией всякого эксплоататорского государства (рабовладельческого, феодального, капиталистического), как указывает товарищ Сталин, является стремление «держать эксплоатируемое большинство в узде»[18]). В данном случае дворянская власть подавляла, главным образом, крепостное крестьянство.

Важной функцией монархии в централизованном государстве является некоторое содействие купечеству и предпринимателям в определенный исторический момент[19]).

Положение посадского люда в Московском государстве в XVII веке было еще стесненным. Казна, постоянно нуждаясь в средствах для военных целей и содержания большого приказного аппарата, выкачивала из посадских людей все, что можно. В известном смысле можно согласиться с выражением П. П. Смирнова, что посадские служили «кошельком» для абсолютистской монархии[20]). Даже высший слой посада — гости были на положении простых «царских факторов» — приказчиков[21]). За малейшие погрешности в сборах пошлин и в службах купцы лишались имущества. С. В. Бахрушин, подчеркивая хищнический характер экономической политики московского правительства, писал по этому поводу в статье «Промышленные предприятия русских торговых людей в XVII веке»: «Доморощенный меркантилизм отлично уживается с чисто феодальными приемами самого беззастенчивого использования торгового класса в интересах дворянского землевладения»[22]).

Целый ряд таких крупных торговцев и предпринимателей как Н. Светешников, Я. Белоусов и др., не говоря уже о более

---

[18]) И. В. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. XI, стр. 604,

[19]) Ф. Энгельс. О разложении феодализма и развитии буржуазии. Маркс и Энгельс. Соч., т. XVI, т. I,

[20]) П. П. Смирнов. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. М—Л, 1948, т. II, стр. 17.

[21]) Сочинение Кильбургера о русской торговле. К. 1915 г., стр. 164,

[22]) Исторические записки, т. VIII, стр.128.

мелких (типа Д. Бахорева и Ив. Котятникова из псковичей) погибали на правеже за долги казне.

Ф. Энгельс указывает на типичность этого явления в работе «О разложении феодализма и развитии буржуазии»[23]) где отмечается, что «королевская власть поработила и ограбила своего союзника» — нарождающуюся буржуазию.

С другой стороны, «государство в этот период все менее и менее могло обходиться без денег»[24].)

Торгово-купеческий «чин» развивался в недрах феодального строя, своей торговой и промысловой деятельностью он создавал богатство в государстве. Именно поэтому феодальная монархия на определенной стадии своего развития идет на некоторые уступки верхушке «бюргерства», не нарушая, однако, дворянское направление своей политики. Огромную роль в этом играли, конечно, классовые выступления различных слоев купечества в первой половине XVII века. Они заставляли неповоротливое боярско-дворянское правительство оказывать покровительство русскому купечеству. Именно с этих позиций следует расценивать целую цепь мероприятий по «строению посада» в конце 40-х, начале 50-х годов: прежде всего издание. Уложения 1649 г. и деятельность Приказа сыскных дел[25].)

Но эти меры означали лишь частичное разрешение насущных требований верхушки посада. Неудовлетворённость горожан особенно ярко проявилась в Псковском восстании 1650 года, вспыхнувшем уже после принятия Уложения и отразившем «новые тенденции классовой борьбы в русском городе XVII века»[26].)

Это проявилось в том, что стало резче вырисовываться политическое лицо отдельных слоев посадского населения лучших, средних и молодших людей. Ожесточенная борьба

---

[23]) К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. XVI, ч. 1. стр., 445.
[24]) К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, стр. 48,
[25]) Об этом подробно см. в работах П. П. Смирнова «Посад. люди и их классовая борьба до середины XVII века», т. I—II, М—Л, 1947—48 г., К. В. Базилевича «Элементы меркантилизма в экономической политике правительства Алекс я Михайловича» в Уч. записках МГУ № 41 за 1940 г.
[26]) Ср. Историк-марксист за 1936 г., № 5. Рец. М. Н. Сперанского на кн. М. Н. Тихомирова «Псковское восстание 1650 г.».

дет теперь в среде самих горожан. Дворянство, ранее иногда блокировавшееся с посадом, занимает отныне резко враждебную позицию; к движению городских низов примыкают окрестные крестьяне из поместий и вотчин[27]). Поводом к восстанию 1650 года послужила пренебрежительная экономическая политика московского правительства в отношении средних и низших слоев посада и ненависть горожан к торговым конкурентам — шведским купцам, а также возмущение самоуправством крупных псковских торговцев (Емельянова и др.).

Какие же требования выдвигались из среды посадских людей, в данном случае, псковичей, п о с л е восстания 1650 года. Почему влиятельному царскому сановнику А. Л. Ордину-Нащокину пришлось заняться обсуждением их и искать выхода из угрожающего для царизма положения во введении специальных реформ местного устройства.

Прогрессивность классовых выступлений горожан при феодализме общеизвестна. Они вынуждали монархию идти на уступки и тем самым давали путь росткам новой общественно-экономической формации.

Вытеснение беломестцев с посада, возвращение туда бывших тяглецов закладчиков, монополия в городских торгах — вот что удалось горожанам закрепить в Уложении 1649 года.

Теперь на очереди стояли иные задачи:

1) Посад в целом тяготился феодальным характером воеводской власти. Это проявлялось уже и до 1648 года. Теперь этот пункт входит во все посадские челобитья. Не менее обременительным было развитие приказной бюрократии на местах.

2) Недовольство средних и молодших людей вызывала неомерная тягость разнообразных сборов (особенно стрелецких, ямских, кабацких денег), неупорядоченная система развертки податей в условиях разложения посада и засилья «лучших» посадских людей в сохранившихся органах местного управления[28]).

---

[27]) М. Н. Тихомиров. «Псковск, восстание 1650 г.», М—Л. 1935.

[28]) Существующую систему «оклада» податями рисует дело № 2103 за 1679 год (Центр. Гос. Архив древних актов, в дальнейшем ЦГАДА. Приказные дела новой разборки), где сообщается, как Фома Терентьев «ево Сергушкины (Погашкина) и товарищев его животы и торги многие утаил, а средних и мелких людей окладывал не против их окладов».

3) Горожане хотели «ведаться» в одном приказе как в судебном, так и в финансовом отношениях. Их тяготила «московская волокита» и посулы (взятки).

4) Уровень развития торговли на Руси заставлял посадских требовать от царского правительства принятия твердых заградительных мер против иноземных торговцев, располагающих большими средствами и вытесняющих русских купцов — оптовиков с внешнего (а отчасти и внутреннего) рынка.

Реформа А. Л. Ордина-Нащокина в Пскове в 1665 г. и издание Новоторгового Устава в 1667 году являются продолжением политики частичного покровительства отечественным купцам-оптовикам. Эти мероприятия носят ярко выраженный классовый характер. Они составляют очередную попытку представителя дворянства разрешить посадский вопрос подачкой «лучшим» торговцам с тем, чтобы расширить социальную базу правительства Романовых и предотвратить новый взрыв городских выступлений.

Несколько слов об общем направлении экономической политики того времени до Ордина-Нащокина.

В XVII веке русская политика в отношении торговли представляла собой переход к монетарной стадии меркантилизма.

Каковы же отличительные признаки системы меркантилизма вообще?

Маркс, характеризуя меркантилизм как систему, писал: «Первая теоретическая разработка современного способа производства, меркантильная система, необходимо исходила из поверхностных явлений процесса обращения в том виде, как они обособились в движении торгового капитала, и потому она касалась только поверхности явлений. Отчасти потому, что торговый капитал есть первая свободная форма существования капитала вообще. Отчасти вследствие того преобладающего влияния, какое, он оказывал в первый период переворота в феодальном производстве, в период возникновения современного производства. Действительная наука современной экономики начинается лишь с того времени, когда теоретическое исследование переходит от процесса обращения к процессу производства»[29]).

---

[29]) К. Маркс. Капитал, т. III, ч. I, стр. 260.

Таким образом ясно, что прибавочную стоимость сторонники ранней стадии меркантилизма видели не столько в производстве, сколько в обращении. Отсюда первая отличительная черта монетарной системы: основное внимание на внешнюю торговлю с тем, чтобы привлечь в страну как можно большее количество денег. В период господства монетарной системы всякая хозяйственная деятельность поощрялась с целью увеличения денежных запасов в стране.

Применение монетарной системы меркантилизма касалось исключительно сферы торгового оборота. Мануфактурная стадия меркантилизма наступает в России значительно позже. Элементы монетарной системы проявлялись в политике русского правительства и до Ордина-Нащокина, хотя эта экономическая система как определенная политика утверждается лишь в XVII веке.

Сохранился чрезвычайно интересный указ от 1594 года о задерживании золота и серебра в стране[30]). Список с этого документа 1632 года полностью приведен в Приложении к диссертации Николаевой «Уставные таможенные грамоты» (стр. 11—18). Но для анализа первой монетарной стадии меркантилизма этот документ еще по настоящему не оценен.

В Указе 1594 года говорится: «В том же наказе 102 году написано, которые литовские и немецкие люди и всяких земель гости деньги русские везут во Псков, и золото, и серебро плавленое в слитках и в ефимках и в какове деле ни буди, а явят его во Пскове таможеным целовальником и те денги и золото и серебро писать в таможенные книги, а записав велено иноземцом на русские денги покупати товар во Пскове, а золото б и серебро всякое меняли на псковские товары или б продавали псковичам на денги, да на те б денги товар же во Пскове покупали. А денег бы русских и золота и серебра явленого однолично изо Пскова не возили. А которые гости торговые люди денги и золото и серебро повезут изо Пскова за рубеж, а товару не купят, и тех гостей велено обыскивать. Да у кого денги или серебро или золото вымут, и у тех гостей у торговых людей денги и серебро и золото и животы их имати на государя».

---

30) ЦГАДА. Приказные дела старых лет, № 66, 1665 г., л. 18—19.

Таким образом, уже в конце XVI века проявляется забота правительства удержать валюту в Пскове любым путем, вплоть до конфискации имущества торговца.

В 1632 году таможенные головы сообщали в Москву, что «немецкие люди привозят во Псков ефимки и серебро и золотые, и те золотые продают на денги и променивают на товары; ефимки и серебро, как был во Пскове денежный двор, переделывали в деньги из прибыли», а иноземцам платили по уговорной цене. Теперь, когда двора не стало, им стали давать деньги взамен ефимок «из московской присылки». Иноземцы на эти деньги обязывались в Пскове покупать товары, с которых берется определенная пошлина, а с «ефимков де таможеной пошлины по государеве грамоте 138 г. (1630 г.) не емлют»[31]).

Известие свидетельствует о том, что правительство стремится удержать иностранную валюту в стране для перечеканки ее с прибылью в русские деньги. Это средство пополнения валютных запасов казны было единственным в течение всего XVII века.

Таким образом, социально-экономические условия в России XVII в. породили определенную экономическую политику — монетарный меркантилизм, наиболее ярким выразителем которой явился А. Л. Ордин—Нащокин.

II

А. Л. Ордин-Нащокин происходил из небогатого рода псковско-торопецких помещиков. Судя по оброчной книге за 1666 год, в Пскове он в то время даже не имел своего собственного двора[32]). Он был первым из своей фамилии, кто добился думного чина[33]). Вместе с Афанасием Лаврентьевичем всплывает на поверхность еще несколько Нащокиных (Богдан, Иван, Максим и др.), служивших в различных городах воеводами, но прочного гнезда при дворе они себе так и не свили. Позже Нащокин получил крупные пожалования от царя в

---

[31]) ЦГАДА. Приказные дела старых лет, № 66 за 1655 г., лл. 7,8.

[32]) ЦГАДА. Городовые книги по Пскову № 12

[33]) Русская Старина, № 10 за 1883 г,, стр, 25,

Шацком уезде. Он стал крупнейшим землевладельцем, ведущим торговлю по Двине[34].)

Дома Нащокин получил прекрасное по тому времени образование[35].) Позже он поражал заносчивых дипломатов своими познаниями, культурой, размахом мысли и обходительностью[36]).

Экономические взгляды Ордина-Нащокина можно проследить, в первую очередь, по посольским книгам.

В основе всех дипломатических переговоров Ордина лежала забота о развитии русской внешней торговли.

Торговля объявляется Ординым-Нащокиным «пожиточным и богоугодным делом». Лишь торговыми промыслами государства богатеют, — писал он польским послам Биневскому и Бростовскому после заключения Андрусовского догогора, в связи с выдвинутым им проектом совещания по торговым вопросам в Курляндии России, Польши,— Литвы и Швеции[37]). И дальше читаем: «Сия осьмая статья (о торговле) замыкает в себе великую государственную тайну, которая в вечную нерозорванную крепость тем трем государствам годна быть. А великой России (надобемыми) прибытки неоцененные будут. .»[38].)

Свое стремление удержать прибалтийские города Ордин-Нащокин объяснял следующим образом: «Другое дело Лифляндская земля: от нее русским городам Новгороду и Пскову великая помощь будет хлебом; а из Полоцка и Витебска Двиною-рекою, которые товары станут ходить»[39].) Именно

---

34) О роли судоходной Двины Ордин-Нащокин не раз указывал в своих донесениях царю: «нашей де государевой казне от водяного пути з Двины-реки многие б прибыли были». См. Разряд Новогородский стол № 187 л. 167.

35) Гос. Архив, разряд XXVII, № 128, л. 56.

36) См. хотя бы отзывы Мейерберга, Коллинса и др.

37) ЦГАДА Дела Польские 1666 г, № 105 лл. 630 об и 650 об

38) ЦГАДА Дела Польские, 1666 г., № 105, лл. 649 об и 650.

39) С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. изд. «Общественная польза», кн. III, стр. 71.

стремление содействовать развитию торговли побуждало Ордина-Нащокина во время воеводства в Лифляндии наладить постройку флота на Двине в Кокенгаузене[40]).

Представляет интерес и первый опыт организации верфи торговых и военных кораблей в дворцовом селе Дединове на р. Оке[41]). Строительство первого корабля и яхты совсем не случайно было поручено А. Л. Ордину-Нащокину, который ведал в то время Новгородской четью. История двухлетнего строительства корабля свидетельствует об огромных трудностях в выполнении такого рода мероприятий: нехватало вольнонаемной рабочей силы, чинили препятствия феодалы — владельцы леса, канатных мастеров и пр. Все же Ордину-Нащокину и его помощнику А. Л. Полуектову удалось организовать в Дединове постройку корабля «Орел», яхты и двух шняков. Корабль должен был связать центр России с Персией, а также нести сторожевую службу по Волге. Он был, очевидно, значительных размеров. На «Орле» помещалась команда в 15—20 человек, а в Нижнем Новгороде на него погрузилось еще 35 человек стрельцов под начальством Доможирова [42]). Помимо ружей, команда имела 22 пушки. В 1671 г. в связи с столкновением с восставшими казаками — разинцами, «Орел» был сожжен вблизи Астрахани[43].)

Таким образом, развитие внешней торговли А. Л. Ордин-Нащокин правильно связывал с организацией отечественного судостроительства.

Какое бы мероприятие ни начиналось, он стремился использовать его в интересах развития торговли. Так, в докладе об устройстве почтового сообщения, в связи с предложением Марселиса, окольничий писал царю: «И торговым людям в

---

[40]) Ф. Веселаго. Краткая история русского флота. 1939 г., стр. 11.

[41]) С-Пб. ведомости 1850 г. № 70. С. М. Соловьев «Ордин-Нащокин».

[42]) А. Попов. О построении корабля «Орла» в государствование царя Алексея Михайловича. Русская беседа. М. 1858 г., IV отд. «Смесь», стр. 5—18,

[43]) Н. Новиков. Борьба России за выходы на моря в XVIII веке Журн. «Партполитработа в ВМФ», 1941 г., № 6, стр. 47—48.

посылке скорой их торговых писем великое вспомогательство будет»[44].)

Ордин-Нащокин не раз указывал на необходимость оказывать поддержку отечественным торговцам со стороны государства. Уже эти общие суждения о значении торговли и необходимости государственной поддержки купцов чрезвычайно характерны.

Совершенно излишне некоторые историки пытаются представить Ордина-Нащокина пламенным поклонником западных обычаев (Плеханов). Этот взгляд идет от пристрастных и подчас клеветнических свидетельств иностранных дипломатов (напр. барона Мейерберга — ярого ненавистника русских, шведских эмиссаров и др.).

Показательны в этом отношении слова Нащокина о том, что «наше платье не по них, а их — не по нас»; что Россия должна воспринимать только полезные технические достижения, вступать в культурное и торговое общение со странами Европы и Азии (вплоть до Индии).

Причину отсталости страны Ордин-Нащокин видел в положении русского купечества, указывая именно в этом отношении не пример «сторонних, чужих земель»[45]), где «все народы пожитками торговыми казну полнить извыкли»[46]).

В связи с общим направлением экономической и социальной политики середины XVII века и следует рассматривать проекты Ордина-Нащокина по устройству «городского чина».

III

К мысли о необходимости реформы в устройстве городов и городского сословия Ордин-Нащокин подошел с двух сторон: как выразитель монетарной системы меркантилизма и как дворянин, идеолог абсолютной монархии. Первый пункт его программы сводился к тому, чтобы сначала у к р е п и т ь п о р у б е ж н ы е г о р о д а. В документе, известном в литературе под названием «53 статьи» (написаны до 1665 г.) Ордин-

---

44) Гос. Архив. Разряд XXVII (архив Приказа тайных дел), №128, папка 2, л. 3.

45) Дополн. к Актам историческим, т. V, № 1.

46) ЦГАДА, Дела польские, 1666 г. № 105 л. 650 об.

Нащокин проводил мысль, что в виду предстоящей борьбы со Швецией, «в пограничных местах без хорошего строя теперь обойтись нельзя»[47]). Это указание подтверждается целым рядом известий из документов, относящихся к посольской службе Ордина-Нащокина при переговорах с Польшей. Он предлагал доставить в пограничные города «запасы и рати свесть», а «без этого, государь, порубежных краев в силе не удержать»[48]).

Одним из основных мотивов заключения мира с Польшей было стремление Ордина-Нащокина прекратить разорение в пограничных областях, «и люди бы при границах совершенья миру без надежды не были и от чего боже сохрани зло какое не уросло б»[49]), и дальше он поясняет это: «А то, государь, ныне страх — чего бы не учинилось в нынешнем походе от городов твоих, великого государя — учинятца отлучны и мало не постоят, увидя литовских людей, только недругу на утеху учинят»[50]).

Навести порядок, в первую очередь, в пограничных местах Ордин-Нащокин стремился потому, что от них «слава повсюду учинитца». «А показывая всему свету с твоей, великого государя, стороны всякими мерами в порубежных местах от воевод и от начальных людей здержано было и над своеволными людьми страх был. За малую кровь великая не всчалась бы»[51].) Еще годом ранее, касаясь псковской реформы, Ордин указывал: «Во всех государствах крайние места берегут, чтобы в добром береженьи было. И то ведая, как родился и взрос в таких краях (т. е. Пскове — Е. Ч.), и делал так, когда бес поместки было»[52]). Таким образом, Ордин-Нащокин придавал большое значение укреплению и управлению именно пограничными городами.

---

[47]) В. С. Иконников. Ближний боярин А. Л. Ордин-Нащокин. «Русская старина» 1883 г. № 10, стр. 45.

[48]) ЦГАДА. Дела Польские 1666 г., № 5, л.л. 44 и 15.

[49]) ЦГАДА. Дела Польские, 1666 г., № 4, л. 162.

[50]) Там же, 1665 г. № 8, л. 39.

[51]) Там же, 1666 г. № 4, л. 166.

[52]) Там же, 1665 г., № 8, л. 28.

Вторым принципом, который Ордин-Нащокин установил к 60-м годам в отношении городского устройства, была необходимость значительно ограничить власть воеводы и передать управление посадом богатейшим горожанам. И этот принцип был взят из реальной действительности.

С начала XVII века на местах постепенно вводится воеводское управление. М. М. Богословский писал по этому вопросу: «Установление безопасности и порядка и более верное обеспечение своевременного и полного поступления средств в казну (превратившейся из великокняжеской в общегосударственную — Е. Ч.), таковы государственные потребности, создавшие и развившие воеводскую власть на местах»[53]). Но дело не только в этом. Воеводы прежде всего должны были следить за населением и подавлять всякое проявление недовольства.

Воеводы выполняли административные и военные дела, в их функции входили также полицейские дела и судебные, причем ведомству их подлежали все классы городского населения[54].) Несмотря на новую организацию воеводская власть носила еще признаки прежнего управления через кормленщиков[55]). Воеводы посылались в города по собственной просьбе для отдыха от ратных и других служб[56]). В своем округе они были хозяевами и проявляли свою истинно — феодальную сущность исключительно на спинах горожан и низших слоев сельского населения.

В отдаленном от центра Пскове этот гнет воеводской власти чувствовался особенно сильно. Нашумевшее в 1631—1632 году дело псковских воевод кн. Гагарина и кн. Пожарского было, по существу типичным для той эпохи.

Из челобитья посадских людей Житницкого ста (Запсковье) можно выяснить характер воеводских злоупотреблений[57]):

---

[53]) М. М. Богословский. Земское самоуправление на русском севере в XVII в., т. II, стр. 267.

[54]) Сб. «Русская история в очерках и статьях», под ред. Довнар-Запольского, т. III, стр. 212—213. Грибовский В. М. Местное управление Московской Руси.

[55]) Богословский М. М. Указ. соч., т. II, стр. 283. Чтения в О. И. и Д. Р., 1870 г. т. 1, отд. V, стр. X.

[56]) А. Д. Градовский. История местного управления России, стр. 177.

[57]) Чтения в О. И. и Д. Р. 1870 г., кн. 1, отд, V, стр. 36.

«А нам, псковичам, посадским людям, от них, воевод... налоги и продажи были великие: а) которые псковичи посадские люди выезжают из города изо Пскова во Псковский же уезд по деревням закупати лну, кож и сала и зверей, и они их, не явся себе, за город для торговли по деревням во Псковский же уезд выпущати не велели, а велели о том бити челом себе, и в том посадским людям чинили удержание и продажу». Кроме того, воеводы велели:

б) «насильством псковичам посадским людям солодовником солоди на себя ростити ржаные и ячьные даром»;

в) посадским людям «котельникам и кузнецам и всяким мастеровым людям всякое на себе дело делать даром, без найму»;

г) у огородников отнимали овощи, в случае сопротивления «всем посадским людям шкоту и продажу чинили великую»[58]);

д) заставляли продавать свою соль по одной цене, а брали с них по более высокой и тем разоряли прасолов — рядовичей;

е) у подвозчиков и ямщиков брали бесплатно подводы (до 100 в год), выбрасывали по своей прихоти из лодей и судов товары посадских людей;

ж) покровительствовали откупщикам в торговых сделках (напр., на сады);

з) отнимали у ловцов и в рядах рыбу;

и) приглашали на «частые обеды» посадских людей и за эту честь брали с последних деньги (от 50 денег до эфимка и цевки золота), уклоняющимся от этих обедов воеводы мстили и «всякое им насильство и продажу делали»[59]).

Примерно к таким же мотивам сводятся жалобы псковичей в 1638 году на пригородских воевод, которые «емлютна старостах кормы большие и всякие запасы про свой расход: еловицы, и бараны, и гуси, и куры, и рыбу, и вино, и пиво, солод, и мед, и муку, и хлебы, и соль, и лук, и чеснок, и перец, и уксус; и сани, и дровни, и телеги, и хомуты, и веревки, и кади, и лукошка, и бочки, и горшки, и веники, и дрова, и лучину, и лошади овес, и сено, и, солому, и

---

[58]) Там же, стр. 37.

[59]) Там же.

дворы их поделываюти. Да и они ж, государь, воеводы, емлют у нас, посадских людишек, товары всякие насильством безденежно»[60]).

При чрезвычайно сильном налоговом гнете подобного рода натуральные сборы и незаконные повинности вызывали, естественно, сильнейшее недовольство городских классов, посылавших по этому поводу бесчисленные негодующие челобитные в Москву.

Воеводское управление ко второй половине XVII века, в силу феодального характера своей власти, было не только разорительным для посадских, но и превратилось в серьезный тормоз экономического и политического развития города.

Непрерывные жалобы горожан на воеводские злоупотребления привели к тому, что с 30-х гг. XVII века, по крайней мере, в финансовом отношении, власть воевод стала несколько ограничиваться. Так, в 1634 году получили соответствующую грамоту вятчане. С 1635 года верхотурским воеводам запрещалось «вступаться» в таможенные и кабацкие дела, в 1638 году то же самое предписание было послано двинским воеводам. Наконец, в 1646 году сибирские торговые люди освобождались от воеводского подчинения. Просьба отставить воевод от городских дел содержится в общей грамоте о пошлинах 1653 года.

Симптомы этой же тенденции уловил и отразил в своем проекте псковской реформы Ордин-Нащокин.

Кроме того, в этом отношении немаловажную роль чисто субъективного порядка сыграло наместничество Ордина-Нащокина в Лифляндии в 1656—1661 годах и опыт управления городами, приобретенный им там.

Оставшись после ухода Алексея Михайловича из-под Риги в Царевич—Дмитриеве (Кукенойс), Ордин-Нащокин руководил всей внутренней политикой русских в занятых областях. Здесь он близко столкнулся с порядками в прибалтийских городах, подчинявшихся до этого времени Швеции или Польско-Литовскому королевству.

Устройство прибалтийских городов сводилось в то время к

---

[60]) Сборник Архива Мин-ва Юстиции т. VI № 18.

следующему[61]). Главным органом управления был совет (24 советника и 4 бургомистра), выбираемый из числа богатейших торговцев города на срок от 1 до 3 лет, причем эти так называемые «ратники» не включали в свой состав разных должностных лиц. Совет издавал распоряжения, касающиеся безопасности города, торговых мер и весов, пожарных дел, строительства, торговых и ремесленных уставов. Один бургомистр возглавлял ратушу (суд), другой — магистрат (управление).

Городское общественное мнение представляли старшины, участвовавшие вместе с советом в обсуждении чрезвычайных мероприятий. Доходы от судебных дел делились магистратом с королем. Сбором налогов ведали специальные лица. Роль представителя королевской власти — фохта сводилась к наблюдению за тем, чтобы не нарушались интересы короля и казны[62]).

Но помимо самоуправления Ордин, заметил и другую особенность в прибалтийских городах: королевская казна выкачивала все средства из городских доходов. «Народно-хозяйственные интересы, — пишет В. О. Ключевский по поводу подобной политики — приносились в жертву фискальным целям и ценились правительством лишь как вспомогательные средства казны»[63]).

Когда русские войска заняли некоторые прибалтийские города, главной заботой Ордина-Нащокина было стремление привлечь население на свою сторону. Чтобы предотвратить разорение городов царской администрацией, он пошел на сохранение в прибалтийских городах их прежнего строя.

Но оградить население завоеванных областей от разбоя ратных людей оказалось легче, чем предотвратить злоупотребления приказных и воевод. В одном из докладов Ордин сообщает о лихоимстве воеводской администрации: Степан Бухвостов, Меркурий Крылов, Максим Челнцев и др. разоряли

---

61) См. об этом у Э. Берендтса. Государственное хозяйство Швеции. СПБ, 1890 г. т. 1, стр. 484—508. Ср. по запискам Айрмана, Исторические записки, т. 17, стр. 277—278.

62) Э. Берендтс. Указан. кн. стр. 185.

63) В. О. Ключевский. А. Л. Ордин-Нащокин. Журн. «Научное Слово», 1904 г., кн. III, стр. 132.

Браславский и Динабургский поветы, подвергавшиеся ранее набегам неприятеля[64]).

Когда г. Друя перешел к русским, Ордин-Нащокин распорядился сохранить там прежний строй управления и устроил сбор пошлин так, чтобы «их от приказных и от сборщиков псковских (намек на Хованского — Е. Ч.) твоим государевым делом от разоренья уберечь»[65]).

Ордин-Нащокин сохранил органы местного самоуправления в Друе и др. пунктах. Себежский бурмистр с недовольством отмечает, что «против лужских и друйских мещан ратушного суда у нас, сирот твоих, нет». Здесь же указывается причина жалобы: «Чтобы нам, сиротам твоим, от насильства себежских воевод не разбрестись и впредь»[66]).

Таким образом, меры Ордина-Нащокина по городскому устройству в завоеванных областях сводились к следующему: неподсудность горожан воеводе, сохранение ратуш и ратов, куда избирались богатые горожане — торговцы, ведавшие судом и руководившие городским торгом.

Эти первоначальные опыты Ордина-Нащокина были хорошо известны в России и имели повидимому некоторую связь с его псковскими проектами. Намек на это содержится в письме Афанасия Лаврентьевича к Юрию Алексеевичу Долгорукому[67]): «Многие народы и роз (ные) земли знали житие мое на Двине, как была расправа над служивыми и над уезд(ными людьми) в одних руках 7 лет», тогда были «к милости приведены» Лифляндия,Курляндский герцог; в Псков и Новгород высылались хлеб и деньги, а «русские места были заступлены». Теперь же у Ордина-Нащокина связаны руки и в чужих краях все якобы удивляются, «слыша от уездов псковских, что я за них так не стою, как в Лифлянтех сбережено было и государьское имя прославлено ко всякой правде»[68]). В этой фразе — намек на самоуправство кн. Хованско-

---

[64]) ЦГАДА. Разряд. Московский стол, ст. 285, л. 371—378.

[65]) Там же, стб, 276 за 1656 г., л. 341

[66]) ЦГАДА. Разряд. Московский стол, стб. 279, л. 23.

[67]) ЦГАДА. Дела польские 1665 г., № 8, л. 26.

[68]) ЦГАДА. Дела польские, 1665 г. № 8, л. 27.

Это письмо очень интересное по содержанию, не может быть приведено полностью в силу дефектности текста.

го, который препятствовал Ордину в проведении задуманных реформ.

Отличительной чертой первого периода административной деятельности Ордина-Нащокина является то, что он сохранил городские вольности и права, причем в качестве противодействия приказным злоупотреблениям он делал ставку на местные органы самоуправления, в которых сидели богатейшие торговцы. Но, отмечая определенный опыт Ордина-Нащокина по управлению прибалтийскими городами, следует напомнить, что большую часть жизни он провел все-таки в Пскове. Здесь, в городе с большим историческим прошлым, в XVII в. еще очень живы были традиции, связанные с мирскими собраниями, «всполошным колоколом» и выборами всегородных старост. Это не было возрождением вечевого муниципалитета, как считал А. С. Лаппо-Данилевский, но определенная роль мирского схода и выборных от верхушки посада должностей имела место. Влияние всегородной избы особенно ярко проявилось во время восстания 1650 г., как это отмечает М. Н. Тихомиров в своей монографии[69]).

Эти моменты также влияли на выработку Ординым-Нащокиным конкретных и четких форм городского управления вскоре по приезде в Псков.

Деятельность Нащокина в 50-е годы рисует пути формирования его взглядов до псковской реформы. Отдельные моменты этого следует учитывать потому, что свои «советы горожанам» в Пскове Ордин-Нащокин написал спустя два дня после вступления на воеводство. Ясно, что основные мысли, выраженные в его «Памятях», не могли появиться неожиданно.

IV

В середине 60-х гг. в России продолжались народные движения. Недовольство посада и армии вызывала финансовая и налоговая политика правительства, введение медных денег и др. мероприятия. В Москве еще не улеглись волнения после выступления 1662 года, а уже вспыхнуло восстание в далекой

---

[69]) М. Н. Тихомиров. Псковское восстание 1650 г. М.—Л. 1935. стр. 90—93.

Башкирии. Внешне-политические кампании усугубляли в городах рост налогового бремени и финансовых затруднений, падавших своей тяжестью на молодших и средних людей[70]).

Особенно бурное настроение проявляли посады западных городов, находящиеся на территории военных действий, лишенные возможности свободно вести торг и, кроме того, задавленные поборами и «полковыми поднемами».

Население отказывалось продавать продукты на медные деньги, это вело к грабежам со стороны войск. Иногда вместо денег последним раздавали «персидские товары и сукна», которые спускались солдатами в полцены, что вело их к долгам и голоду[71]). Среди разрядных отчетов встречаются и такие замечания: «А псковским, государь, и опочацким казакам не дано ничево» на жалованье[72]). Воеводы констатировали, что «хлебными запасы и денгами (во Пскове) добре скудно»[73]). Все это привело к тому, что «всякие хлебные запасы одорожали и в городе всяких чинов жилецкие люди обедняли и в разорении оскудели»[74]).

Разорение уездов и обеднение горожан, которым из-за этого «закупать было хлебные запасы не на што»[75]), вело к тому, что ветшающие псковские укрепления не поддерживались — так называемая городовая повинность населением не выполнялась. А. Бутурлин следующим образом описывает состояние псковских укреплений в 1663 году: «В которых местах худо и обвалился окольный город во многих местах... худ и не по-

---

[70]) Об этой эпохе см. К. В. Базилевич. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 году. М—Л 1936 г.

Н. В. Устюгов. Башкирское восстание 1662—1664 гг. (Ист. зап. № 24).

Г. Форстен Россия и Швеция во второй половине XVII в. Журн. Мин. Нар. Просв. № 6 за 1899 год.

[71]) Так было, например, под Борисоглебовым. ЦГАДА. Разряд. Московский стол, стб. 314, л. 238.

[72]) Там же, л. 281.

[73]) Там же, Московский стол, стб. 365, л. 247.

[74]) ЦГАДА, Приказные дела старых лет, № 25, л. 196—198.

[75]) ЦГАДА. Разряд. Новогородский стол, стб. 188, л. 157.

крыт, а середний город Кремль осыпался, а в иных местах обрушилися стены»[76]). Объясняет это Бутурлин тем, что «Псковский уезд, небольшой и малолюдный, разорен от частых приходов гдлских и литовских людей»[77]).

В июле 1665 года А. Л. Ордин-Нащокин писал из Пскова в ответ на требование царя собрать хлебные запасы для ратных людей: «А ныне, государь, во Пскове будучи мне, холопу твоему, смотря на последнее разорение всех городовых дел и людского оскорбления и казны твоей, великого государя, ни денежной, ни хлебной не только в запасе, и на первую нужу нет»[78]).

К бедствиям посадских людей от сокращения торговых оборотов прибавился страшный враг русских деревянных посадов — пожар, который в 1663 г. (171 г.) опустошил в Пскове торговые ряды с товарами, а на хлебной ниве уничтожил хлеб в амбарах[79]).

Все эти бедствия привели к тому, что присланный в Псков в 1664 году сборщик пятинных денег М. Воскобойников оказался перед фактом такого разорения и оскудения горожан, что ни о каких сборах чрезвычайных налогов не могло быть и речи[80]).

В такой обстановке Ордин-Нащокин принял воеводские дела в Пскове 22 марта 1665 года[81]). Вместе с ним «в товарищах» был назначен туда давний враг Афанасия Лаврентьевича кн. И. А. Хованский с сыном Петром. Они сменили бывших здесь ранее воевод Ф. Ромодановского и кн. В. Гагарина[82]), вызывавших сильные нарекания горожан за то, что «они свейских торговых немец в город пускали»[83]).

---

[76]) ЦГАДА. Разряд. Московский стол, стб. 352, л. 42.

[77]) Там же, л. 43.

[78]) ЦГАДА. Разряд. Новгородский стол, стб. 188, л. 155, см. еще л. 509—510.

[79]) ЦГАДА. ПДСЛ, № 129, л. 44.

[80]) Собр. Гос. Публ. библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Псковские губернские ведомости за 1873 г.

[81]) ЦГАДА. Разряд. Новгор. стол, стб. 188, л. 460.

[82]) Там же, л. 432.

[83]) Гос. Архив, Разряд XXVII, № 187, л. 47.

Ордин-Нащокин, попав в родной город, быстро возобновил старые связи, собрал группу беспрекословно послушных ему псковичей (например, приблизил к себе подъячего денежного стола Мину Гробова, купца С. К. Котятникова и др.) и решил принимать меры к установлению порядка в Пскове, снова оказавшемся в тот момент очень «близким к открытому восстанию»[84]).

С этой целью он написал три «памяти», датированные 21 марта, 3 и 7 апреля 1665 года[85]) и передал их для обсуждения горожан из своей резиденции (съезжая изба) в земскую избу. Эти памяти и составили основу для так называемых «17 статей» псковской реформы, принятой горожанами в августе того же года. О внешней истории принятия реформы и борьбе на псковском посаде автором настоящей статьи готовится к печати специальная работа. Здесь же следует проанализировать три «памяти» Ордина-Нащокина лишь с точки зрения социально-экономических взглядов их автора.

О главной цели своих реформ Ордин-Нащокин писал царю Алексею Михайловичу в конце августа 1665 года[86]):« Крепкое устроение градцкое» во Пскове необходимо для того, чтобы «внутренние обиды минулися». Воевода предлагал свои статьи по «нынешнему непостоянному времени м е ж л ю д ь м и в о П с к о в е к о многому стержанию». В своих письмах Ордин-Нащокин несколько раз напоминает царю «о ссоре, когда в тихое время была»[87]) и «о прошедшем оскорблении»[88]). «Во Пскове не в давних летах какие смуты были тебе, великий государь, известны»,[89]) писал он, намекая на Псковское восстание 1650 года.

Предложения Ордина-Нащокина по «строению» Псковского посада диктовались, во-первых, чрезвычайно сложной об-

---

[84]) М. Н. Тихомиров. Псковское восстание 1650 года, стр. 177.

[85]) Памяти напечатаны в Дополн. к Актам историч., т. V, № 1 (I, II, III). В Гос. архиве они хранятся в фонде Приказных дел старых лет, № 31 за 1665 г.

[86]) ЦГАДА, ПДСЛ, № 31, л. 2 и сл.

[87]) ЦГАДА, ПДСЛ, № 31, л. 4.

[88]) Там же, л. 6.

[89]) Дополн. к Актам историч. т. V, № 1 (XVII).

становкой в стране в виду финансового и экономического напряжения, а также обострением борьбы внутри посада и, следовательно, боязнью новых восстаний; во-вторых, стремлением увеличить финансовые прибыли казны; в-третьих, они исходили из последовательного убеждения автора о необходимости борьбы со Швецией, если не оружием, то, по крайней мере, путем стеснительных правил торговли.

Посылая свои памяти, Ордин-Нащокин аппелирует к «лучшим» зажиточным элементам Псковского посада. Он призывает «земских старост сойтися с лучшими (людьми) в земской избе для общего всенародного совета» и договориться о принятии решительных мер с тем, чтобы предотвратить «оскорбление людцкое». Воевода указывает на необходимость «маломощным» людям дать возможность «на собрание и на полность жилетцких торговых промыслов и домовых заводов»[90]), чтобы устранить нависшую опасность их нового выступления.

По мысли Ордина-Нащокина, «между сильными людьми и молодшими вражды друг с другом и обиды бывают» из-за торговых дел, налоговых сборов и внеочередных служб («не по достоинству выборы»). Для того, чтобы упорядочить все эти внутригородские дела, Ордин-Нащокин предлагает выбрать в земскую избу 12 человек из числа «лучших» людей и поручить им управление городом и судебные функции (ранее принадлежавшие воеводам). Никакими другими службами члены этого совета не нагружались. Таким образом, группа крупных торговцев получала в свои руки не только экономическую, но и административную и судебную власть над горожанами.

Сведение функций воеводы к чисто надзорным и передача власти на посаде совету из «лучших» людей отвечало интересам последних. Это мероприятие должно было расколоть классовое движение горожан и создать на посаде опору монархии из крупных купцов-оптовиков. Такая мера, по мысли Ордина-Нащокина, сняла бы угрозу «несогласия междо посадцкими людьми», что являлось, по его мнению, главной причиной недоборов в казну.

Заботами о полноте сборов в казну проникнуты все три

---

90) Там же, т. V, № 1 (II).

«памяти». Особенно это относится к кабацким сборам: например, первая «память» посвящена целиком выработке строгих мер против неявленных курильщиков вина.

Но и в отношении таможенных сборов дан целый ряд радикальных предложений.

В разделе (2-я «память») об устройстве торгов с иноземцами (шведами, немцами) наиболее ярко сказалась меркантилистская сущность взглядов Ордина-Нащокина и стремление его организовать торговлю с выгодой для русского купечества, таможни и казны. Для этого он предлагал, чтобы совет города устанавливал твердые цены на каждый вид товара («указную цену»).

В качестве противодействия развившемуся «закупничеству» (подрядам на поставку товаров) маломощных людей у иноземцев (получение ссуды для закупки товаров по деревням) воевода предлагал, чтобы первые «добрым устроением у лутчих людей в послушании испоможены» были, т. е. брали бы ссуды для скупки товаров не у иноземцев, а у русских оптовиков. Тем самым установленные цены на русском рынке могли оставаться твердыми.

Это предложение имело целью организовать с помощью государственной власти торговые компании с фондом средств в земской избе. Такие компании в большем количестве возникали позже, в XVIII веке, но тогда они состояли целиком из богатых купцов[91]).

Попытка Ордина создать пестрые в социальном отношении организации купцов не могла увенчаться успехом, так как слишком далеко зашла классовая рознь внутри купечества, между «маломощными» и «лучшими» людьми. Этот тезис подтверждают материалы, освещающие четырехлетнюю борьбу на псковском посаде вокруг предложений Ордина-Нащокина[92]).

Только эта социальная причина может объяснить дело.

---

[91]) А. С. Лаппо-Данилевский. Русские промышленые и торговые компании в XVIII веке. СПБ. 1899 г.

[92]) ЦГАДА. Пр. дела ст. лет 1665 г. № 31 (697 листов). Отдельные документы напечатаны в Дополнении к Актам историческим, т. V, № 1 (1—XXII).

Ссылка проф. С. Борового на косность московских купцов «и их приверженность к старине» не представляется удачной[93]).

Также сомнительно видеть в данном предложении Ордина-Нащокина первую попытку устроить купеческий банк в России. В конце своей интересной статьи «Попытка создания банка в России в XVII веке» С. Боровой сам же замечает: «Россия XVII века была еще очень далека от того, чтобы в ней могли созреть необходимые условия для создания свойственных капитализму форм кредитной системы»[94]). По мнению автора даже банки середины XVIII века носили «яркий отпечаток феодально-крепостнического строя, господствовавшего тогда в стране»[95]).

Вся система взглядов Ордина-Нащокина выросла на базе конкретных социально-экономических явлений середины XVII века. Переносить сюда факты более позднего времени, значит отрывать воззрения Ордина-Нащокина от конкретной исторической почвы, породившей их.

Для регулирования сборов в таможню Ордин-Нащокин во 2-й памяти советовал ограничить время торговли с иноземцами двумя сроками: с 6 по 20 января, «к тому съезду лес и снетки сухие готовы будут» и с 9 по 23 мая, когда «пенка, сало, юфти, кожи сберутца». Установление именно этих сроков показывает, насколько хорошо знал воевода условия псковской торговли. Судя по данным таможенной книги, обороты января и мая намного превышали сборы всех остальных месяцев.

На внутрирусской, межгородской ярмарке в Пскове из суммы в 29. 230 р. 21 а. 3 д, оборот января составлял приблизительно 1/3 — 9. 996 р. 6 ал. 5 д. Весной же купцы активизировались преимущественно на внешнеторговых операциях: из суммы оборота по отвозным товарам в 25. 171 р. 19 а. 5 д., 5.284 р. 28 а. 2 д. падало на май месяц; из 25. 691 р. 13 а. 0,5д. по гостиному двору на май приходилось 1/4 суммы — 6. 342 р. 1 ал. 4 д. Причем по первой группе товаров наибольшее количество явок — в январе составляли приезжавшие во

---

93) Журн. «Деньги и кредит» за 1947 г. № 1, стр. 88.

94) Там же.

95) Там же.

Псков русские из внутренних городов (128 иногородних и 32 псковича), а в мае больше всего отпускалось товаров за рубеж псковичами (по отвозным товарам из 100 явок 86 приходилось на псковичей, через гостиный двор из 161 явки – 153 составляли псковичи). Таким образом, январь и май были самыми оживленными месяцами торга на Псковской ярмарке[96]).

В эти два срока (составлявшие 1 месяц в году), по проекту Ордина-Нащокина, торговля русских с иноземцами должна производиться на Псковской ярмарке свободно и беспошлинно. Доходы казны компенсировались тем, что каждый торговец должен был вносить на псковский денежный двор за ½ проданного товара определенное количество ефимок, в обмен за которые получал мелкие русские серебряные деньги.

Позже, в письме к Алексею Михайловичу, Ордин-Нащокин пояснял этот пункт следующим образом: «А вместо пошлины за указанные трети серебра выдано будет и с твоей, великого государя, казны, по семи рублев за фунт серебра[97]), чтобы русские люди иных городов изо Пскова лишних ефимков, которые за треть у них оставатца учнут, не отвозили в иные города и с иноземцы на расход бы не шли вместо русских денег. А за то, государь, ценою в твоей, великого государя, казне учнет оставатца серебра от фунтов за треть всего товару болши того збору, что прежь было всегдашняя пошлина для, государь, того, чтоб твои, великого государя, русские торговые люди, у иноземцев на товары имая денги, как было наперед сего, в конечную бедность не пришли»[98]).

Приведенная цитата раскрывает нам сущность монетарного меркантилизма Ордина-Нащокина. Забота об удержании золота и серебра в стране выявляется здесь особенно ярко. Ефимки служили в XVII веке основным валютным фондом

---

[96]) Подсчеты сделаны по таможенной книге Пскова за 1670—71 г. Собр. Псковск. Обл. музея, рукопись № 380. Подробнее см. Историч. записки № 34 Е. В. Чистякова «Псковский торг в сер. XVII в.».

[97]) Конкретизация этого положения (за 1 фунт—7 руб.) произошла позже (в августе), когда горожане составляли статьи реформы в съезжей избе. В «памяти» Ордина сумма установлена не была.

[98]) ЦГАДА. Дела шведские, 1665., № 70, л. 55.

для чекана русских денег. Они скупались в царскую казну по 50 коп. за штуку, в обращение же после перечеканки поступали по 64 копейки за штуку, таким образом, казна получала 14 копеек прибыли на каждый ефимок[99]).

Если учесть, что в одном фунте содержится 14 ефимок, то приемная цена за фунт и составляла те 7 рублей (14×50 = 700 коп.), которые обязалась выплачивать казна, согласно предложению Ордина-Нащокина.

Следовательно, в результате псковских ярмарок валюта должна была поступать в казну по нарицательной стоимости.

Теперь легко вычислить, какую прибыль получала казна при перечеканке на каждый фунт принятых от торговцев ефимков (на 1 ефимок — 14 копеек, на 14 ефимок, т. е. 1 фунт — X).

X=14. 14=196 коп.=392 д., т. е. около 2 руб.

Итак, казна по проекту Ордина-Нащокина могла получать на каждый вымененный 1 фунт ефимок почти 2 рубля чистой прибыли.

При стягивании всех товарных потоков внешнего рынка на западной границе Русского государства в определенные пункты, ограниченности сроков торговли и быстроте оборотов в середине XVII века, это дало бы большую по размерам и сравнительно регулярную по поступлению денежную прибыль казне.

По замыслу Ордина-Нащокина такое установление должно было привести к тому, чтобы «по тому уставу великого государя казне сбор был прибылен и за пошлины бы за все заменилось из фунтов»[100]). Организованный таким образом беспошлинный торг должен был принести большую прибыль казне, чем разрозненная и бесконтрольная торговля с пошлинами. Прежние порядки торговли Ордин-Нащокин в своем ответном письме рижскому губернатору именует «разорительными над людьми, а не повольными и пожиточными»[101]).

Предложенные Ординым-Нащокиным новые правила тор-

---

[99]) Л. В. Черепнин. Русская метрология, стр. 72.

[100]) ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1665 г., № 31, л. 15.

[101]) Дополн. к Актам историч. т. V, № 1 (XII).

говли должны были разрешить целый ряд назревших вопросов русско-шведской торговли в пользу отечественных купцов и царской казны. Обо всем этом он и написал в своей 2-й «памяти».

Содержание 3-й «памяти» Ордина-Нащокина касалось исключительно мер по сохранению дисциплины и порядка среди расквартированных во Пскове войск.

Вот основные положения, высказанные Псковским воеводой в его трех «памятях» сразу же по приезде в Псков.

Их определенная направленность — в пользу «лучших» богатейших купцов города дала повод П. Г. Любомирову сделать заключение, что «деятель из провинциального дворянства, попавший в бояре, — Ордин-Нащокин ведет политику буржуазии»[102]. Эта оценка искажает социальную сущность мероприятий Ордина-Нащокина. Надо помнить, что Ордин-Нащокин никогда не терял своего дворянского лица. Даже в псковских «памятях» он проявляет себя, в первую очередь, как поборник выгод «государевой казны». Во второй памяти он высказывается за то, чтобы не включать в посадское тягло приказчиков приходских церквей и пригородских вотчин, ибо «от того чинятца убытки вотчинам»[103]), тогда как известно, насколько остро стоял вопрос о посадских тяглецах в то время. Прежде всего Ордина-Нащокина интересовали выгоды государственной казны, а потом уже все остальное.

Классовую, дворянскую ограниченность Ордина в вопросах торговли и положения купечества показывает и инцидент с армянской компанией, устроенной по его инициативе в 60-х годах. По подписанному в 1667 году договору исфаганские купцы Стефан Ромодановский и Григорий Лусиков обязывались весь экспорт иранского шелка (вместо Турции) направлять в Россию. Причем, если не удавалось реализовать этот товар в Астрахани, разрешалось везти его в Москву, в пограничные и приморские русские города и даже в Европу. Таким образом, за определенный взнос в казну армянские купцы получили монопольное право транзита через Россию.

---

[102]) П. Г. Любомиров. Очерки по истории русской промышленности. М.—1947 г., стр. 516.

[103]) Дополн. к Актам историч., т. V, стр. 3.

Со стороны последней преследовалось две цели: политическая — вовлечение персидского шаха в союз против Турции и меркантильная, — увеличение доходов царской казны[104]).

Ордин-Нащокин, руководивший тогда всей русской политикой[105]), даже не потрудился узнать мнение русских купцов по этому вопросу. Показательно, что в 1673 году последние отрицательно высказались о компании, мотивируя это тем, что «заморские иноземцы и армяне и кизылбаши, люди богатые и торги имеют великие, а они, русские, люди маломочные».

Инцидент с устройством этой компании лишний раз подтверждает тот факт, что «стоявшие у власти феодалы-крепостники не всегда считались с интересами торгового капитала, а временами даже действовали во вред ему», как правильно отмечает Е. С. Зевакин[106]).

Все это подтверждает наш основной тезис о сущности социально-экономических взглядов Ордин-Нащокина, как идеолога абсолютистской монархии, для которого свободное развитие торговли и промыслов необходимо было лишь как предпосылка «национального могущества и блеска»[107]) дворянско-феодальной России, и никогда не имело самодавлеющего значения.

Тот факт, что Ордин-Нащокин пытался провести варианты псковской реформы в пригородах Пскова, В. Новгороде, Сомерской волости и в Смоленске заставляет предполагать наличие у него общего плана переустройства русских городов, начиная с западных порубежных[108]).

Выполняя в начале 1668 года дипломатические поручения, Ордин-Нащокин проездом остановился в Смоленске. Очевидно, именно в этот момент он провел здесь частичный вариант

---

104) Е. С. Зевакин. Персидский вопрос в русско-европейских отношениях XVII века. Ист. зап. № 8, стр. 158.

105) Ордин-Нащокин возглавлял тогда сразу несколько приказов: Посольский, Малороссийский, чети. См. А. С. Лаппо-Данилевский. Организация прямого обложения, стр. 483—484.

106) Ист. зап. № 8, стр. 162.

107) К. Маркс и Ф. Энгельс, соч., т. V, стр. 214.

108) ЦГАДА. ПДСЛ, № 31, л. 54—56 и Дела шведские 1665 г., № 77, л. 55 и сл.

псковской реформы. Так как в Архиве Министерства Иностранных дел и Архиве Министерства юстиции мы не нашли подробностей этого мероприятия, приходится судить о нем лишь по отрывочным данным, находящимся в письмах самого посла. В октябре 1668 года он писал, в связи с псковскими мероприятиями: «Надеясь на твою государскую милость, я, холоп твой, в Смоленске твоим, великого государя, указом пример учинил. А товарищи мои, думные дьяки, то ведали»[109]). Об этом же пишут и челобитчики из Пскова царю: «А в таком же, государь, порубежном городе Смоленске ныне от продаж кабацких милостивым твоим царским указом свобода учинена о питейных сборах, и с посольского приказу (т. е. от Ордина-Нащокина — Е. Ч.) указ послан»[110]).

Коллинс писал об Ордине-Нащокине, что он «занимается преобразованием русских законов и новым образованием всего государства»[111]). Все это подтверждает тот факт, что реформа в Пскове была лишь частью широко задуманного плана.

Изучение реформы Ордина-Нащокина и борьбы вокруг нее на Псковском посаде представляет большой научный интерес.

Устройство местного совета из «лучших» людей и изъятие из-под власти воевод важных отраслей городского управления несомненно имело свои корни в русской действительности XVII века.

Сильнейшие злоупотребления и самоуправство воевод, наряду с увеличивавшейся централизацией государства, непрерывные жалобы и недовольство посадских миров,— все это способствовало тому, что еще до середины XVII века правительство становится на путь частичных изъятий отдельных отраслей управления из под власти воевод[112]).

В течение второй половины XVII века правительство частными мерами продолжает проводить ограничение власти воевод в области финансовых сборов. По словам Градовского, в этом отношении «ответственность общин под надзором прика-

---

109) ЦГАДА. ПДСЛ, № 31, л. 559.

110) ЦГАДА. ПДСЛ, № 31, лл. 572—574.

111) Русская старина, 1883 г., № 11, стр. 298.

112) А. С. Лаппо-Данилевский. Организация прямого обложения в XVII веке, стр. 314, 346—347.

зов должна была заменить воевод»[113]). В 1676 году была введена ответственность голов и целовальников перед земскими старостами и всеми посадскими людьми[114]), а таможенные и кабацкие сборы были изъяты из ведомства воевод в городах Новгородской четверти.

В 1681 году в реорганизованном Стрелецком приказе, управляемом боярином Милославским, было сосредоточено взимание главного прямого налога: « ратным людям на жалованье».

Отмена четей указом 1698 года окончательно отдала в руки земского самоуправления распределение и выплату податей.

Таким образом, освобождение посада от воеводской власти в XVII веке осуществлялось центральным правительством под напором требований горожан путем частичных изъятий. Поэтому дело совсем не в том, что, по словам Лаппо-Данилевского, «самоуправление приобретало более сложный характер и обнаруживало кое-где, как например в Новгороде, Пскове, Муроме, Нижнем Новгороде зачатки того муниципального устройства, которое введено было в Пскове в 1666 году».

Псковской реформе Ордина-Нащокина в указанном процессе принадлежит определенное место. Отличительной чертой псковского управления является то, что оно проводилось сразу в нескольких направлениях: помимо исключения горожан из-под ведома воеводской власти и создания совета из числа «лучших», определялись права совета и круг его ведомства. Важно учитывать, что устройство местного административного центра и передача ему основных функций городского управления было проведено посадскими настолько решительно и всесторонне, что задело до некоторой степени (например, в устройстве совместного суда посадских с дворянами и детьми боярскими) интересы псковского дворянства. Чрезвычайно широкие полномочия горожан в торговых делах (грамоты за псковской печатью) также не могли склонить центральную власть на сторону реформы.

Поэтому в сложной международной и внутренней обста-

---

113) А. Д. Градовский. История местного управления России, стр. 186.

114) Акты историч., т. V, № 10. Пригара. Опыт истории состояния городских обывателей, стр. 102—103.

новке правительство Алексея не решилось пойти на ломку местного устройства, реформа вскоре была отменена[115]).

Вторым основным разделом реформы городского самоуправления являются постановления о торговле с иноземцами. «Псковские уставы» являются важным моментом на пути развития русского протекционизма. В этом отношении «памяти» и статьи послужили несомненно важнейшим источником Новоторгового устава 1667 года[116]).

К. В. Базилевич совершенно прав, указывая на текстуальную близость «Введения» устава 1667 г. с псковской реформой: те же мысли о необходимости пополнения казны и о «полности жилецкой», тот же совет привлекать «маломощных» купцов «складом к большим товарам», та же забота о вылавливании золота и серебра и стремление регламентировать торг с иноземцами местом (пограничные города) и временем (1 месяц).

Не менее важны псковские статьи о торговле и с точки зрения взаимоотношений России со Швецией в последние полвека перед Северной войной.

Экономические интересы России и агрессивная политика Швеции делали столкновение между этими державами неизбежным. В 60-х годах XVII века правительство Алексея Михайловича стремилось сохранять хотя бы внешне мирные отношения со Швецией. Об этом свидетельствует Плюсский договор, подписанный в октябре 1666 года, т. е. в момент ликвидации псковской реформы[117]).

Бурная реакция шведов на «памяти» Ордина-Нащокина показывает, насколько верно были подмечены псковским воеводой животрепещущие вопросы русской внешней торговли. Шведы немедленно отправили в Москву посольство А. Эберса, который выразил решительный протест против введения торговой реформы на западной границе. Помимо этого последовали многочисленные дипломатические представления со стороны прибалтийских губернаторов, которые стремились отстоять

---

115) ЦГАДА. Приказные дела старых лет 1667 г. № 318, л. 4.

116) ПСЗ, т. 1, № 408. К. В. Базилевич. Новоторговый устав 1667 года (Изв. АН СССР, Отд. общ. наук № 7 за 1932 г.)

117) ПСЗ, т. 1, № 395.

права своих торговцев на основании 10 статьи Кардисского мирного договора [118]).

Нет никакого сомнения, что вопросы о самоуправлении и регламентации торговли в пограничных городах были поставлены экономико-политическим развитием русского города XVII века. Заслугой Ордина-Нащокина явилось предложение определенным образом разрешить эти вопросы. Притягивать сюда «мысли о влиянии» извне, как это делает небезызвестный П. Струве, нет никакой необходимости[119]).

Третий, крупный раздел реформы — это организация кабацких сборов.

Отмечу, что пункты о кабаках в «памятях» Ордина совершенно отличаются от принятых псковичами в съезжей избе статей. Возможно, что это было внесено в окончательную редакцию реформы горожанами, тяготившимися организацией сбора косвенных налогов. Предложение об устройстве свободных подрядов на вино не имеет примеров ни в прошлом, ни в последующем времени.

Косвенные налоги составляли значительный вес в общем бюджете русского государства. Поэтому правительство очень зорко следило за своевременностью и полнотой кабацких и таможенных сборов. Реформа 1652 года, ограничивающая число кабаков и время торговли в них, имела особые цели (экспорт хлеба), быть может, отчасти классовые. В 1669 году предписывалось преследовать свободную продажу питей, а человеку, донесшему об этом, назначалось вознаграждение из имущества виновного, которое подлежало конфискации[120]). Указом 1681 года все кабаки переводились «наверу» с компенсацией убытков откупщикам[121]). Наконец, указом 1699 г. кабацкие сборы передавались в ведение выборных лиц, подчинявшихся Бурмистерской палате в Москве[122]).

Таким образом, «псковские уставы» о кабаках резко расхо-

---

[118]) ЦГАДА. Дела шведские за 1666 г., № 3, л. 61. Там же, № 70 за 1665 г.

[119]) П. Струве. Хозяйство и цена, ч. 1, стр. 306.

[120]) А. А. Э., т. IV, № 166.

[121]) Сведения о питейных сборах в России, ч. 1, стр. 16—19.

[122]) Там же, стр. 6.

дились со всем предыдущим и последующим законодательством. Возможно, что этот раздел был взят действительно «с примеру сторонних земель»: В Малороссии и Украине курение вина до присоединения к России было свободным (в шинках)[123]). Тот же самый порядок был и в большинстве прибалтийских городов.[124]).

Так или иначе, в организации кабацких дел выявилось желание псковичей переложить часть тягостных сборов на уезды и избавиться от кабацкой службы через допущение вольных подрядов. Не случайно, именно вокруг этого раздела реформы разгорелась ожесточенная борьба внутри посада, длившаяся около 4 лет (1665—1669 гг.). Рассмотрение отдельных моментов и хода этой борьбы является темой специальной статьи.

Итак, программа Ордина-Нащокина в отношении реформы городского управления и экономической политики до выработки Новоторгового устава сводилась к следующему:

1. Внутри страны:

а) укрепить в первую очередь, пограничные города, особенно по западной границе (Псков—Смоленск).

б) Ограничить власть воевод и передать значительную часть их административных и судебных функций выбранному из среды богатейших купцов городскому совету. Это позволит расколоть классовые выступления посадских людей и расширить социальную базу абсолютистской монархии за счет привлечения «лучших».

в) Облегчить поборы с горожан (отмена пятинной деньги и реформа кабацких сборов).

г) Поддержать отечественное купечество против иноземных торговцев в организации внешних торгов.

2. Вне страны:

а) Направить главный удар русской внешней политики против Швеции.

б) Построить сильный флот для борьбы за торговые пути для русских товаров.

в) Устранить иностранных резидентов, поскольку это было односторонне; ликвидировать привилегии иностранных (осо-

---

[123]) Там же, ч. II, стр. 4.

[124]) Там же, стр. 257.

бенно шведских) купцов в пошлинах, местах и сроках торговли в пограничных городах России.

Таким образом, предложения Ордина-Нащокина псковичам были проявлением, с одной стороны, классовой политики в отношении горожан — политики формирующегося абсолютизма, с другой стороны, определенной экономической системы — монетарного меркантилизма.

V

Яркой страницей в деловой биографии Ордина-Нащокина является его руководство при составлении Новоторгового устава 1667 года. Этот замечательный памятник русской экономической мысли привлекал внимание советских ученых неоднократно[125]). К сожалению, этот документ еще не подвергся переизданию.

Роль Новоторгового устава в общей политике русского самодержавия до сих пор едва ли всеми по настоящему оценивается. Всесторонний палеографический и источниковедческий анализ этого документа, а также изучение его применения на практике еще ждут своего исследователя. Здесь уместно напомнить об уставе 1667 года лишь в связи с характеристикой взглядов Ордина-Нащокина.

Новоторговый устав, существенно изменивший порядок и практику русской внешней торговли, не случайно вышел из сфер именно Посольского приказа. Теперь уже не подлежит никакому сомнению, что инициатива его издания и общая редакция принадлежали беспокойному и энергичному начальнику Посольского приказа, боярину А. Л. Ордину-Нащокину[126]). Если раньше С. М. Соловьев, Иконников, впоследствии также К. В. Базилевич только предполагали этот факт, сопоставляя литературную манеру автора со стилем Ордина и пункты Устава с псковскими «памятями», то открытый А. И.

---

[125]) К. В. Базилевич. Новоторговый устав 1667 года. Изв: АН СССР. Отд. общ. наук, 1932 г. № 7. А. И. Андреев. Новоторговый устав. 1667 года. Ист. зап. № 13. С. А. Покровский. Внешняя торговля и торговая политика России. МК, 1947 г., стр. 61.

[126]) ПСЗ, т. 1, № 408.

Андреевым новый список Устава не оставляет на этот счет никаких сомнений. «... В Посольском приказе боярин Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин да думные дьяки Гераким Дохтуров да Лукьян Голосов с товарищи, по челобитной заручной всех московских гостей и черных слобод и розных городов лутчих и середних торговых людей, о торговом с иноземцы устроению с ними говорили, и как великого государя казне пошлине со всяких товаров без обид к большому збору и от насильных и обманных иноземских товаров московским и в порубежных городах и во всей Великой России к обороне быти»[127]).

Здесь поставлены вполне определенные задачи, напоминающие цель псковских «уставов»: возвысить престиж русских крупных торговцев — экспортеров, а также принять меры к увеличению сборов в казну.

Исследователи справедливо полагают, что «Введение» к Уставу написано непосредственно Ординым-Нащокиным. Чувствуются его редакционные заметки и в других частях документа. Было бы необычайно интересно познакомиться с черновиком Устава, еще не обнаруженным в наших хранилищах.

Среди источников, послуживших основой для Новоторгового устава, обычно отмечают псковские «памяти» Ордина-Нащокина, статьи П. Марселиса о торговле[128]), наконец, указывают на «список с заручной челобитной» 1646 года[129]) в которой наиболее четко сформулированы основные требования посадских людей до Уложения 1649 года. К этому теперь следует добавить материалы, связанные с проведением псковской реформы на посаде за 1665—1667 гг. (окончательно вопрос об этой реформе был снят в мае 1669 г., после проведения всесословного собора в Пскове)[130]).

Среди документов, содержащих этапы развернувшейся на Псковском посаде борьбы после принятия нащокинских «памятей», находится большое количество материалов несомненно использованных при выработке Новоторгового устава

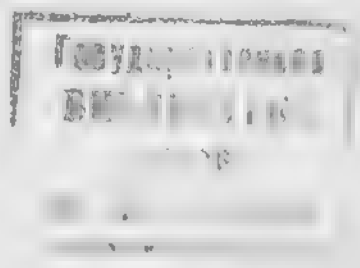
---

[127]) Цит. по Ист. записам № 13, стр. 306.

[128]) Указ. ст. К. В. Базилевича в Изв. АН за 1932 г., № 7.

[129]) Указ. ст. А. И. Андреева, Историч. записки № 13.

[130]) ЦГАДА, Пр. дела старых лет № 31, л. 612 и след.



Совершенно очевидно, что реальные требования посадских людей, особенно относительно торгов с иноземцами и ряд других были взяты авторами совсем не из устаревшей челобитной 1646 года, а из конкретных и настойчивых челобитий псковичей посадских людей. Именно на эти источники намекает текст Введения Устава.

Действительно, в челобитной псковичей, составленной в середине августа 1665 года, сформулированы о б щ и е требования посадских людей к центральной власти[131]).

Одним из основных пунктов, с которого начинается этот документ, является требование ликвидировать «утеснения» русских купцов от чужеземцев, которые злоупотребляли своими привилегиями особенно сильно в пограничных городах. Этот мотив настойчиво звучит также в так называемых «обидных делах» со шведами.

Посадские в своей общей челобитной указывали на необходимость бесперебойного поступления в казну серебра (т. е. пошлин), «которое от медных денег без остатку вывезено в иные земли». Для этого, писали горожане, правительство должно содействовать «полности и поселению надежному» обедневшей и разоренной Псковской земли.

В этой же челобитной высказывается еще одно очень важное пожелание псковичей: «И в разных, государь, приказах инде ратми (или ратями — Е.Ч.), инде зборами денежными Псков ведом. А нам, сиротам твоим, от р а з н ы х п р и к а з о в и от пятинных денег тягость не в меру». В связи с этим, псковичи просят: «А чтоб великий государь, в о д н о м п р и к а з е и рати и доходы денежные и хлебные Псковского государства по твоему великого государя милостивому указу были и нас, сирот твоих, ведали строением»[132]).

Приведенная цитата позволяет установить тот факт, что стремление горожан ведаться в одном приказе было реальным требованием, выраженным псковичами в их челобитной от августа 1665 г. Поэтому в Новоторговом уставе 1667 года Ордин-Нащокин высказал лишь пожелание об удовлетворении требования о «пристойном приказе» (ст. 88 и 89), а не сам

---

131) Дополнения к Актам историч., т. V, см. также в ЦГАДА ПДСЛ за 1665 г., № 31, л. 7—9.

132) ЦГАДА: ПДСЛ за 1665 г., № 31, л. 9.

впервые поставил этот вопрос (находясь под влиянием изучения магдебургского права, как считали некоторые историки[133]).

В Новоторговом уставе указывается цель введения 1 приказа: чтобы он «во всех городах от воеводских налог купецким людям был защитою и управою»[134]).

Из реальных требований горожан выводится и ограничение обременительной воеводской власти. В 1 и 2 статьях Новоторгового Устава[134]) определялась независимость «гостя с товарищи» от воевод, «чтобы в том великого государя казне в сборех порухи не было»[135]).

Здесь, в отличие от «псковских памятей» Ордин-Нащокин выявил переход на общепринятую позицию частичных изъятий административного управления из-под власти воевод, отказавшись от первоначального псковского проекта коренного переустройства местного управления в пользу «лучших» людей города с наделением последних довольно широкими полномочиями.

«Изъятие всех дел, порученных земскому управлению из-под ведомства воевод, соединение земского управления в руках немногих центральных учреждений, сокращение приказного персонала в местности, особенно учреждение бурмистерской палаты — все эти меры относятся к первым годам реформы Петра Великого» — отмечает в своем труде по истории местного управления Градовский.[136]).

Таким образом, Ордин-Нащокин наметил вехи, по которым затем пошло преобразование местного управления, соответствующее эпохе становления абсолютизма и завершенное Петром в устройстве Ратуши 1699 г.

Острые вопросы русской действительности породили необ-

---

[133]) А. П. Пригара. Опыт истории состояния городских обывателей в России при Петре Великом, стр. 96.

И. Дитятин. Устройство городов России в XVIII веке, стр. 114.

М. М. Богословский. Петр I, т. III, стр. 239 и 216.

[134]) Полное собрание законов, т. 1, № 408.

[135]) Там же.

[136]) Градовский. История местного управления, стр. 205.

ходимость издания Устава 1667 года. Ордин-Нащокин учитывал требования посадских людей не только в сфере общего развития внешней торговли, но пытался разрешить в общерусских масштабах конкретные мероприятия по облегчению положения русского купечества и ограничению иноземного торга.

В разрешении этого вопроса была заинтересована как государева казна, так и огромные массы русского купечества, начиная с крупных экспортеров и кончая мелкими скупщиками. Особенно сильно это проявилось на посадах пограничных городов, где остро переживались все перепитии взаимных отношений с иноземным купечеством. Через все посадские челобитья первой половины XVII века проходит требование ограничить размеры торга и права иноземных купцов. Одно из первых челобитий 1627 года, называет врагами голландцев, гамбуржцев и средне-азиатских тезиков. Купцы внутренних городов (москвичи, ярославцы, нижегородцы, костромичи, вологжане) требовали оттеснения иноземных купцов с внутренних рынков в пограничные пункты, запрета иметь свои средства передвижения, устраивать сбработку сырья у Архангельска и в др. местах, а также нанимать русских приказчиков и долгое время жить в России[137]).

Мотив ограничения иноземного торга выражен и в последующих челобитьях (1635, 1637, 1642 и 1646 гг.)[138]). Челобитье 1646 года подано от имени купцов не только московских и поволжских городов, но и жителей пограничных городов, в частности Пскова. Оно направлено теперь против англичан и датчан. Иноземцев обвиняют в розничной торговле, обладании недвижимым имуществом, поощрении закупничества, в установлении низкой цены на русские товары, «сговорясь меж себя заодно»[139]).

---

137) Чтения в Обществе Нестора—летописца, 1912—13 гг. кн. 23, ч. II, стр. 101.

138) Подробный анализ этих документов см. в ст. К. В. Базилевича «Коллективные челобитья русских купцов и борьба за русский рынок в первой половине XVII века». Изв. АН СССР, 1932., вып. II.

139) Акты археограф. экспедиции, т. IV, стр. 18.

Еще более требовательно звучит челобитье 1649 года[140]). В последнем выдвигается 6 основных пунктов против иноземцев:

1) иноземцы платят малую пошлину, в то же время они не несут бремени посадских налогов и служб;

2) они перекупают товары на местах, выбивают инициативу из рук русских посредников;

3) ухудшают качество ввозимых товаров, а цену увеличивают;

4) игнорируют проезжие грамоты;

5) являют в таможню $^1/_{10}$ товара, остальное с помощью закупней вывозят беспошлинно;

6) стремятся не допустить русских купцов за границу.

Челобитье 1649 года изображает картину всеобщего бедствия от иноземцев, которые «все Московское государство оголодили».

К голосу поморских, московских и поволжских купцов присоединяются теперь и торговцы западных городов. К. В. Базилевич предполагает, что эта челобитная вышла из среды приехавших на собор посадских, выборных от городов[141]).

На этих мирных формах борьбы посадские однако не остановились. Вслед за изданием Уложения 1649 года разразились крупные восстания в Пскове и Новгороде. В большой Псковской челобитной эти настроения выразились в следующих словах: «А те, государь, немцы изстари оманщики и своим затеечным воровским умыслом и оманом преж сего твои государевы многие городы и казну поимали и доныне владеют»[142]).

Все это привело к тому, что царь Алексей вынужден был изменить обычную резолюцию своего отца на челобитных «быти попрежнему» и приступить к осуществлению покровительственной политики.

Нельзя согласиться с мнением Б. И. Сыромятникова, отри-

---

[140]) Сборник кн. Хилкова № 82.

[141]) К. В. Базилевич. Коллективные челобитья торговых людей и борьба за русский рынок в первой половине XVII века. Известия АН СССР. Отд. общ. наук, 1932 г., № 2.

[142]) К. Якубов. Россия и Швеция, стр. 356.

давшего наличие определенной политики русского царизма в отношении горожан в XVII в. Автор «Регулярного государства Петра I» считает, что это были стихийные мероприятия, «без руля и без ветрил», лишенные «какой-либо руководящей идеи»[143]).

Нет необходимости представлять политику правительства в XVII веке какой-то безмозглой. Переходу Московского правительства на позиции протекционизма в середине XVII века способствовало, во-первых, все большее развитие денежного обращения, втягивающее натуральное хозяйство феодальной Руси в форватер мирового рынка, во-вторых, активная борьба развивающегося купечества за монополию во внешней и внутренней торговле, наконец, укрепление централизации Московского государства, при которой частновладельческие интересы стали уступать место общегосударственным выгодам, проявлявшимся в таможенной политике. Все это изменяло отношение правительства к запросам русского купечества.

Переход на позиции определенной экономической системы совершался постепенно, сначала робко, неуверенно, через полумеры. Правительство постоянно тревожилось, « с немецкими государствами у Московского государства нелюбья не будет ли» и кому русские купцы будут платить свои иноземные долги[144]). Несмотря на это некоторые меры были проведены. Так, неожиданно для иноземных купцов в июле 1646 г. были отменены их жалованные грамоты и привилегии[145]). Запрещалась торговля во внутренних городах грекам, любчанам и голландцам, их пропускали только по особым грамотам, «с красной печатью[146]»). Под предлогом недовольства казнью короля Карла I Алексей лишил всех прав английскую компанию и изгнал ее из России[147]).

---

143) Б. И. Сыромятников. «Регулярное» государство Петра I и его идеология. М—Л, 1943 г., стр. 141.

144) Сборник кн. Хилкова № 82.

145) П. П. Смирнов. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. М—Л, 1948 г., т. II, стр. 15.

146) Мулюкин. Очерки по истории юридического положения иностранных купцов в Московском государстве, стр. 340 и сл. Одесса. 1912 г.

147) ПСЗ, т. 1, № 9.

Помимо этого, в 1654 году была издана единая уставная грамота, значительно упростившая таможенные сборы («и те проезжие и мелкие всякие сборы отставить», «а имать по 10 денег с рубля») и повысившая пошлины с иноземцев (теперь взималось по 2 алтына, т. е. 12 денег с 1 рубля, а за товары отвезенные вглубь страны или обратно за рубеж еще 4 деньги с 1 рубля).[148]).

Таким образом, 20-летняя борьба русского купечества за монополию на рынках увенчалась некоторыми успехами. В середине XVII века определенные группы иностранцев (англичане, греки, гамбуржцы) были ограничены местом торга, сроком и частично пошлинами.

Но все-таки борьба с иноземным торгом еще стояла в программе посадских выступлений. Особенно ярко это проявляется в многочисленных «обидных делах» на западной окраине Русского государства. Причем объектом недовольства были шведы и немцы из Прибалтийских городов.

Русские купцы в шведских пределах были строго ограничены местами торговли, сроком пребывания за границей, стеснены выбором контрагентов, условиями сбыта и приобретения товаров, подвержены неустойчивой и разнобойной пошлинной политике прибалтийских городов и зависимы от произвола шведской администрации. Наконец, Россия не имела даже своего официального представителя в Стокгольме.

Наоборот, шведское правительство постоянно держало в Москве своего резидента. Шведы и немцы из балтийских городов действовали в Пскове и других местах сплоченной небольшой группой (7—10 человек), торговали в розницу, привлекали маломощных торговцев к скупам товаров по деревням и, тем самым, с одной стороны, ввергали их в долги, с другой стороны, игнорируя крупных оптовиков — скупщиков, снижали общую рыночную цену русским товарам.

Это привело к тому, что лозунг — ограничение иностранных купцов, пишут на своем знамени в числе других требований не только крупные купцы, но и средние (ведущие за собой маломощных), все более втягивающиеся в торговлю за

---

148) Там-же, № 207.

рубежом и, следовательно, заинтересованные в установлении твердых покровительственных государственных законов.[149]).

Позиция царского правительства по вопросу взаимоотношений с иноземными купцами несколько колебалась из-за сложной международной и внутренней обстановки в 60-х годах XVII века. С одной стороны, оно реагировало в дипломатических представлениях на несправедливые претензии шведов, например, систематически в пограничных городах воеводы собирали «сказки за руками» с посадских людей об их претензиях, повышались пошлины в связи с политикой шведов в Лифляндии и т. д. С другой стороны, был утвержден Кардисский договор 1661 года (закрепленный Плюсскими переговорами 1666 г.), 10-я статья которого устанавливала в общем «повольный торг» между обоими державами. Шведам возвращали конфискованные «указные товары», взимали иноземные долги на маломощных «закупнях», разрешали им проезд в крупные города страны.

А. Л. Ордин-Нащокин, видя в такой политике угрозу государственной самостоятельности России, писал царю: «А швед от промыслу отбит не в меру почитанием и страхами посольского приказу. К смерти причетны псковские уставы от шведских долгов на оборону, а людем божьим новгородского и псковского государств к пожиткам, и к собранию многие пошлины казне без насилия и оскорбления людцкого были б—и чтоб за то шведы не гневались, ненавидимо покинуто». Возмущенный трусливой политикой Алексея Романова, Ордин восклицает: «кто б не подивился и в порабощение того не поставил!»[150]).

Таким образом, заслугой Ордина-Нащокина в издании Новоторгового устава 1667 года является стремление установить в общих масштабах для всей страны твердые нормы взаимо-

---

149) Ср. К. В. Базилевич. Коллективные челобитья торговых людей и борьба за русский рынок в первой половине XVII в. (Изв. Ак. Наук, 1932, вып. II, стр. 122). Автор утверждает, что борьбу против иностранцев вели исключительно гости, маломощные же, наоборот, стояли за сохранение позиций иноземных купцов.

150) ЦГАДА. Дела Польские, 1666 г., № 3, л. 201.

отношений с иностранными купцами, а также оказать покровительство отечественным торговцам в организации торгов.

Содержание статей Новоторгового устава проникнуто идеями протекционизма. Подробно разобраны в этом документе вопросы внутренней торговли, пошлин, большое место занимают условия торговли с иностранцами. В статьях, относящихся к русской торговле, подробно рассматриваются условия следования товара из центра через Вологду к Архангельску. За проведение различных таможенных операций отвечают исключительно торговые люди: «гость с товарищи» и суконной сотни целовальник — из Москвы, а также по 2 представителя от купечества крупных торговых городов (Ярославля, Костромы, Вологды, В. Устюга, Каргополя, Соли-Вычегодской и пр.)[151]).

Всеми операциями, дачей таможенных выписей, сбором пошлин, отпуском товаров в другие города ведают эти лица, назначенные из среды купечества.

Чувствуется, что Ордин-Нащокин, редактируя Устав, стремился воплотить свои давние идеи об ограничении воеводской власти на местах. Это проявляется особенно ярко в ст. 1 («а гостя с товарищи воеводам в таможенных торговых во всех делех ни в чем не ведать»), в ст. 18 (говорится о свободном пропуске товаров и праве торговых людей беспрепятственно нанимать «работных людей», причем прямо указывается, что «воеводы во многих городах для своих корыстей задерживают напрасно»), в ст. 35 («по всем городам и в Сибири всех купецких людей воеводам сухим путем и водным ни в чем в торговом деле в проездах не держать и не велеть, кроме таможенного уставного права»).

Тот же мотив звучит и в уже приведенной ст. 88, где предлагается создать «один пристойный приказ», который «во всех городах от воеводских налог купецким людям был (бы) защитою и управою».

Весь комплекс статей о внутреннем торге изложен на основе таможенной грамоты 1653 г. с дополнением отдельных пожеланий торговых людей[152]). Это касалось как таможенных

---

[151]) ПСЗ, т. № 108, ст. 1, 3, 8.

[152]) Известия АН СССР, 1932 г. № 7, стр. 602—605. К. В. Базилевич, Новоторговый устав 1667 г.

сборов, порядка проезда, так и конкретных указаний о торговле и покупке определенных товаров (пушнины, одежды, съестных припасов, соли, рыбы и пр.).

Настоящим переворотом явились статьи Новоторгового устава о торговле с иностранцами. Хотя в основном они констатировали отношения, уже когда-то введенные, но это был первый единый для всего государства закон, пронизнутый духом покровительства отечественным купцам, безапелляционно устанавливающий определенные правила торговли иноземцев в России, регламентирующий торговые пошлины, а также ввоз и вывоз определенных видов товаров. Вместо беспомощной резолюции Михаила Романова о том, что условиям торга и привилегиям иноземных купцов «быти попрежнему», теперь устанавливались твердые правила.

Система этих правил, подробно изложенная в неоднократно приведенной статье К. В. Базилевича, сводилась к оттеснению иностранцев с внутренних рынков в пограничные пункты. (Архангельск, В. Новгород, Псков, Путивль). Любопытно отметить, что это территориальное ограничение касалось только западных купцов (см. ст. 85, 86), восточные купцы (кызылбаши, иудейцы, бухаряне, армяне, кумыки, черкесы и астраханцы — иноземцы) могли возить свои товары «к Москве и иные городы» и без красной печати, уплатив лишь большую пошлину (ст. 77).

Иностранцам запрещалась торговля между собой в русских пределах (ст. 63)[153]), чем они раньше особенно злоупотребляли, судя по «обидным делам» псковичей со шведами[154]). Иноземным купцам категорически запрещалась торговля в розницу (ст. 83 и 84), а также ведение различных торговых операций помимо таможни в своих торговых и жилых помещениях (ст. 68, 71). Помимо этих условий ограничивался ввоз некоторых видов товаров (вин, сахара, узорочных товаров, предметов роскоши: см. ст. 51—55, 87, 92, 94 и статьи дополнительного «Устава торговлей в царствующем граде Москве»[155]).

---

153) Видимо это касалось лишь привозных товаров, т. к. взаимная торговля у Архангельска русскими покупными товарами разрешалась статьей 40.

154) ЦГАДА. Дела шведские № 44, 70 и пр.

155) ПСЗ, т. 1, стр. 690—691.

Иностранный торг обусловливался мелочными наблюдениями за выписями, уплатой таможенных пошлин и другими способами. Несомненным ограничением иностранной торговли у Архангельска было установление продолжительности ярмарки: 1 апреля туда отправлялись представители таможенной администрации (ст. 3), 15 мая ехал гость (ст. 8). Торговля продолжалась до Семенова дня.

Чрезвычайно показательна в отношении ограничения иноземцев система таможенных пошлин, предложенная Новоторговым уставом. Целая градация пошлин ставила препятствия проникновению иноземных товаров внутрь государства: помимо таможенной пошлины, при продаже товара (12 д. с 1 рубля) взималась проезжая пошлина (ст. 56 и 59). Эти пошлины должны были уплачиваться обязательно валютой, которая шла по сравнительно низкому курсу[156]). Таким образом, иностранные товары были обложены пошлиной в 4 раза больше русских, поэтому нельзя согласиться с С. А. Покровским, который считает, что Новоторговый устав «не давал никаких преимуществ товарам русского происхождения»[157]).

Регулировались не только отношения между купцами, но регламентировались и предметы ввоза. Как уже указывалось, обложены были повышенной пошлиной предметы роскоши — «узорочные товары» (ст. 94) и различные питья — вина, за продажу которых взималось 15% пошлинных сборов. Помимо этого, ограничивался ввоз сахара и других товаров (ст. 51—55).

Таким образом, Новоторговый устав явился новым и значительным вкладом в экономическую политику Русского государства. И если причины, побудившие правительство издать Устав, крылись в социально-экономических отношениях второй половины XVII века, то инициатива и проведение столь отличного от прежней политики мероприятия принадлежит безусловно проницательному дворянскому политику А. Л. Ордину-Нащокину.

---

[156]) Изв. АН СССР, отд. общ. наук № 7 за 1932 г. К. В. Базилевич Новоторговый устав 1667 года, стр. 612—613.

[157]) Проф. С. А. Покровский. Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. М. К. 1947 г., стр. 61.

VI.

Несколько слов о внешне-политических взглядах А. Л. Ордина-Нащокина.

Будучи еще совсем молодым человеком, он участвовал с русской стороны в комиссии по размежеванию земель со Швецией в 1642 году. По словам де-Родеса, комиссарами (среди которых названы Афанасий Нащокин, Богдан Самарин и Богдан Вышеславцев) были «простые дворяне». «Они должны все, что случится доносить сюда и ждать на это приказа, так что их полномочие должно быть плохое»[158]). Размежевание границ по р. Меузице и Пижве было первым дипломатическим поручением, которое выполнил Ордин-Нащокин[159]).

Жизнь в Пскове наложила свой отпечаток на мировоззрение будущего дипломата. Именно там он мог непосредственно наблюдать, насколько шведы тормозили русскую внешнюю торговлю и как необходимо было для развития России сокрушить их могущество.

Ордин-Нащокин представлял ту группировку служилого дворянства, которая стремилась к энергичной борьбе со шведами за выход к морю, так как это доставило бы России первостепенное значение среди европейских морских держав.

Такая установка определила внешне-политические взгляды Ордина-Нащокина на долгие годы. Кардинальными пунктами его программы были: непримиримая борьба с главным врагом России— Швецией всеми средствами и объединение и союз со славянскими странами (включая враждебную тогда Москве Польшу). С удивительной последовательностью Ордин сумел сохранить это убеждение на протяжении всей своей жизни. С этим он вступил в качестве дипломата в Русско-Шведскую войну 1656—58 гг., это же было причиной его отставки из Посольского приказа в 1671 году[160]).

Став известным царю в связи с подавлением Псковского восстания 1650 года, Ордин быстро приобретает расположение Алексея Михайловича. Неродовитый малоизвестный дворя-

---

158) Состояние России в 1650—55 гг. по донесениям Родеса. М. 1915 г. стр. 54.

159) К. Якубов. Россия и Швеция, 1897 г., стр. 99.

160) В. Эйнгорн. Отставка Ордина-Нащокина и его отношение к малороссийскому вопросу (оттиск из Жур. М. Н. Пр. 1897 г.) стр 147, 172—173.

нин-провинциал становится ближайшим советником царя по внешним и внутренним делам. С ним ведется переписка через Приказ тайных дел, ему поручаются важные негласные переговоры во время посольств. Русско-Шведская война 1656—1658 гг. дала возможность Ордину проявить блестящие способности администратора (в завоеванных областях), полководца и дипломата.

Осторожная политика в Лифляндии и соглашение с курляндским герцогом помогли России заключить со шведами выгодное Валиесарское перемирие, по которому все отвоеванные города (кроме Риги) оставались за Россией на 3 года[161]). Это было большим дипломатическим успехом А. Л. Ордина-Нащокина.

Однако, его плодотворная деятельность не принесла прочной победы. Внешне-политическая обстановка изменилась и в 1661 году был заключен Кардисский мир, который восстановил предвоенное положение.

Крупный знаток Балтийского вопроса Г. Форстен замечает по этому поводу: «Ордин-Нащокин и другие царские советники не могли примириться с поражением, которым окончилась попытка царя Алексея вернуть себе Балтийское побережье и считали войну со Швецией решительно необходимой»[162]).

Особенно ярко эти мотивы проявились в документе, известном в литературе под названием «53 статьи Ордина-Нащокина Алексею Михайловичу»[163]), написанном повидимому до 1665 года. К сожалению, исследователи, говоря об этом источнике, не делают ссылок на архив. В делах Польских и Приказа тайных дел обнаружить этого интересного документа нам не удалось. 53 статьи в собранном виде представляют собой выводы Ордина-Нащокина из его дипломатической практики и дают проспект для русской внешней политики на будущее. Основным врагом России Ордин-Нащокин считает Швецию. Для борьбы с ней он предлагает заключить мир с

---

161) Ист. журн. № 5 за 1941 г.

162) Г. Форстен. Сношения России со Швецией во второй половине XVII века. Ж. М. Н. Пр., 1899 г. № 5, стр. 326.

163) С. М. Соловьев. История России о древнейших времен, кн. III, стр. 161—163, № 10, Иконников. Ближний боярин Ордин-Нащокин, «Русская старина», 1883, № 10 стр. 45.

Польшей на любых условиях, даже ценой отказа от «Черкасс Малороссийских».

На практике Ордин-Нащокин неуклонно проводил враждебную Швеции политику. В ней он видел страну, ущемляющую интересы Русского государства, препятствующую развитию русской внешней торговли и ведущую активную наступательную политику против России как в экономическом, так и в международно-политическом отношениях. Нащокин беспрестанно твердил «о шведском злом промысле», направленном в ту пору против России.

Такова программа Ордина-Нащокина во внешней политике.

По своим политическим взглядам Афанасий Лаврентьевич был сторонником самодержавной власти. Он стоял за крепкую власть. Когда в 60-х годах обсуждался в придворных кругах вопрос о принятии царевичем Алексеем польской короны, Ордин решительно воспротивился этому по той причине, что считал недостойным для русского царевича стать выборным от шляхты королем[164]).

Незнатного псковича коробили местнические претензии уцелевших потомков древних княжеских родов. Так, известны его неоднократные схватки со спесивым и надменным князем Иваном Андреевичем Хованским и его сыновьями. Афанасий Лаврентьевич всегда порицал самоуправно-наместнические замашки князя Хованского: «Псков дан ему не в вотчину, — писал он еще в 1659 году, — а промышленников у великого государя много, которые в деле промысел знают и к прибыли искательны. Хотя бы князь Иван был многих городов владетель, только в Псковском государстве он с промыслом своим не надобен»[165]).

С другой стороны, стремясь подчеркнуть свою бескорыстность незнатного и ничего не имеющего служаки, он писал: «Я стою за Ливонию ни из чего другого, как только помятуя крестное целование — у меня тут ни поместья, ни вотчины нет»[166]).

Особенно ярко дворянское лицо А. Л. Ордина-Нащоки-

---

[164]) Соловьев С. М. История России с древнейших времен, кн. III, стр. 386.

[165]) Там-же, стр. 63.

[166]) Там-же, стр. 71.

на проявилось во время восстания горожан Пскова в 1650 году. М. Н. Тихомиров в своей монографии о Псковском восстании подробно останавливается на роли будущего любимца царя в подавлении этого выступления городских масс.

Уже тогда Ордин-Нащокин выработал свою классовую тактику: «Он пытался тайными сговорами со старыми стрельцами и лучшими людьми» расколоть восстание и тем ослабить его наступательный порыв[167]). Кроме того, Ордин-Нащокин вел энергичную пропаганду через своих агентов среди крестьян псковских пригородов, чтобы удержать последних от выступления. Бежав из мятежного Пскова, он явился ко двору. В Кремле он рассказал о положении дел в городе и о своих усилиях по подавлению восстания. Этим он снискал себе царскую симпатию и поддержку на долгие годы. Даже усмиритель Псковского восстания Н. Н. Хованский, личный недоброжелатель Ордина-Нащокина отметил с похвалой его «службу и работу и во всяком деле радение» в момент восстания.

Как известно, решающим фактором в падении мятежного Пскова оказался именно внутренний переворот в пользу контрреволюции. Таким образом, роль Ордина-Нащокина, как «дипломатического» усмирителя псковского выступления, а также его классовая сущность для нас становятся совершенно ясными.

Позиция Ордина-Нащокина во время восстания очень ярко иллюстрирует переход фрондирующего в первой половине XVII века дворянства к полной поддержке монархии после Уложения 1649 года, окончательно юридически закрепившего крестьян за помещиками.

Хотя мы не можем полностью согласиться с автором «Истории экономических идей в России» В. В. Святловским о том, что «Ордин-Нащокин был мало понятен современникам», нельзя не отметить известное одиночество знаменитого «Афанасия». Он и сам непрерывно подчеркивал то, что за свою «службу и усердие» он всеми «ненавидим и презираем». Даже известный деятель эпохи Алексея Федор Михайлович Ртищев отказался от переписки с Ординым, чтобы не портить

---

[167]) М. Н. Тихомиров. Псковское восстание 1650 года. М—Л, 1935 г., стр. 56—58, 196.

отношений с сильными мира[168]). Идеи знаменитого псковича о повсеместном городском самоуправлении коробили придворную аристократию, а стремление к новшествам и критиканство вызывали раздражение у влиятельных приказных дьяков[169]).

Ордин-Нащокин был очень резок в своих суждениях, неуступчив. Это создавало известную отчужденность в отношениях с людьми и подчеркивало его индивидуализм.

Но социально-экономические идеи Ордина-Нащокина были безусловно понятны его современникам, ибо они выросли на русской почве и отразили условия развития России в определенный период времени (50—70-е годы XVII века). Именно этим и ценна его социально-экономическая программа.

Ордин-Нащокин был новатором в методе проведения политики феодального государства в отношении городских классов. Но эта политика, хотя и проявлялась по разному, имела одно направление: абсолютная монархия «покровительствовала торговле и промышленности и, следовательно, возникновению класса буржуазии, видя в них необходимые предпосылки как национального могущества, так и собственного блеска»[170]).

Широкую поддержку среди определенных групп правящего класса имели и планы Ордина-Нащокина в отношении Швеции, конечной целью которых было отстаивание государственной самостоятельности России.

Таким образом, ряд идей Ордина-Нащокина находил широкий отклик у современников.

Характеризуя политику отдельных представителей абсолютизма, можно сказать словами В. И. Ленина: «Интересы самодержавия совпадают только с известными интересами имущих классов и притом часто не с интересами всех этих классов вообще, а с интересами отдельных слоев их»[171]).

Эта оценка вполне применима к политикам типа А. Л. Ордина-Нащокина, который, выбирая только некоторые требования горожан, стремился их удовлетворить лишь в интересах укрепления дворянского господства.

---

168) ЦГАДА. Дела Польские, 1666 г. № 3, л. 430.
169) Северный Архив, 1825 г. № 17, стр. 112.
170) К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. V, стр. 214.
171) В. И. Ленин. Соч., т. IV, стр. 355.

Прогрессивность взглядов А. Л. Ордина-Нащокина не подлежит сомнению. Хотя основным их содержанием является укрепление дворянского класса, в то же время они включали требование развивать отечественную торговлю, судоходство, покровительствовать торгово-купеческому «чину». Эти тенденции в программе Ордина-Нащокина являются наиболее ценными, если учесть, что они выдвигались в момент развития феодальных отношений.

Важными являются также попытки Ордина-Нащокина разрешить вопрос о преодолении отсталости России. Его волновал вопрос о суверенитете России по сравнению с ведущими европейскими странами. Находясь на позициях феодального класса, Ордин-Нащокин оказался не в состоянии даже правильно поставить эту большую и важную проблему. Он пытался решить ее со своей крепостнической, узко-дворянской позиции. Эта классовая ограниченность ярко проявлялась во всех мероприятиях знаменитого русского экономиста и дипломата XVII века.

2019323373